

АНДРЕЙ ВЕРИН & FOX

РЕЦИПИЕНТ

роман-головоломка

Андрей Верин

Реципиент. Роман-головоломка

«Издательские решения»

Верин А. А.

Реципиент. Роман-головоломка / А. А. Верин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838169-0

Головоломка «Реципиент» состоит из трех фрагментов — трех по-разному изогнутых сюжетных линий. Задача разгадывающего — разобрать ее на составные части, а затем снова соединить их вместе, после чего, весьма вероятно, головоломка будет выглядеть уже совсем не так, как прежде. В последней главе, нарочно перевернутые вверх ногами, приведены варианты решения. Однако читатель волен выбрать собственную версию разгадки, сделавшись, таким образом, соавтором романа...сайт проекта: www.recipientis.ru

ISBN 978-5-44-838169-0

© Верин А. А.
© Издательские решения

Содержание

1. AMNIS IMMEMOR	6
Глава 1. Я (1 июля)	6
Глава 2. ОНА (1 июня)	13
Глава 3. ОН (4 июня)	15
2. TERROR	19
Глава 4. Я (2 июля)	19
Глава 5. ОНА (2 июня)	30
Глава 6. ОН (5 июня)	34
3. ANIMA ET FATUM	41
Глава 7. Я (3 июля)	41
Глава 8. ОНА (3 июня)	45
Глава 9. ОН (6 июня)	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Реципиент

Роман-головоломка

Андрей Александрович Верин
FOX

Иллюстратор Вадим Гусманов
Дизайнер обложки Вера Андреева
Корректор Ольга Недорезова

© Андрей Александрович Верин, 2017
© FOX, 2017
© Вадим Гусманов, иллюстрации, 2017
© Вера Андреева, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8169-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реципиент – пациент, подвергнувшийся переливанию крови или операции по пересадке органа от донора. А также человек, воспринимающий адресованную ему информацию.

1. AMNIS IMMEMOR

река забвения

Глава 1. Я (1 июля)

ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ

Заболевание психики, характеризующееся чувством отчуждения собственных мыслей, эмоций, действий. Утрата индивидуальности.

Если бы мог выбирать себя, я выбрал бы другого. И первым обвинил бы себя нынешнего в самозванстве.

Говорили, что в семье моего отца, обрусевшего грека, жила своя легенда – под стать мифам его далеких предков. Согласно ей, каждый мужчина в роду появлялся на свет девятого числа. Я опоздал всего на несколько часов, однако тем испортил грекам родословную, стал палкой в колесе их семейной фортуны. Кто-то из родни отца увидел во мне плод супружеской неверности, а кто-то – лишнее звено в математическом ряду. Но одинаково для всех, бывший грехом или погрешностью во плоти, я сделался изгоем. И угодил в детдом. С тех пор культурное наследие, оставленное греками, было единственным моим наследством. С тех пор я никогда нигде не чувствовал себя как дома – всюду не в своей тарелке, всегда не в своей шкуре.

Вот и теперь, проснувшийся глубокой ночью в полной темноте, долго лежал, прислушиваясь, как к шумам и шорохам пустого здания, к дому души: тот оставался необжит, хотя я занимал его более двадцати лет. Сердце стучало мерно, медленно, легкие качали воздух, мысли шли. Только казалось: в идеальном механизме том моя душа стала бракованной деталью – он отторгал ее, как чужеродный орган. И я бы многое отдал, чтобы узнать: кем был тот экзорцист, что изгонял меня из собственного тела, и, часом, не был ли я бесом?

Снова заснуть я не сумел. Едва стало светать, поднялся и поплелся в ванную. Споткнулся в коридоре о канистру с керосином, оставленную прежними хозяевами, нащупал выключатель. Вспыхнул свет, и я остолбенел.

Передо мной высился незнакомый человек.

Незванный гость в моей квартире, он стоял вальяжно, нагло в усмехаясь, – в прямоугольнике большого зеркала, словно в дверном проеме на пороге в мир иной.

Им был я сам, но я себя не узнавал.

Редко кому удается к двадцати с лишним годам так обозлиться на свое лицо, ни в чем не повинное – ни уродств, ни изъянов. Я же не мог понять, отчего вынужден носить личину человека, с виду бесчувственного и жестокого, смотреть на мир его пустыми, ничего не выражавшими глазами. Сколько бы ни старался, я не мог признать это лицо своим. Пробовал наблюдать за отражением под разными углами, строил разные гримасы, но безрезультатно.

Завтракал я вслепую, свет на кухне не включал, чтобы не превращать вид за окном в кривое зеркало: утренний пейзаж просился в музей прямо в оконной раме. Когда переезжал, я свел багаж до минимума, чтобы начать жизнь заново на новом месте. И до сих пор довольствовался утварью, оставшейся от прежних расточительных хозяев, что, уезжая, бросили столь многое, будто спасались из квартиры бегством. Сегодня начался мой отпуск, первый за три года. Хотелось перемен, и для начала я решил побриться и подстричься.

Жизнь брала свое – закручивала в водоворот будней, втягивала в переплет дел. И проблемы никогда не заставляли себя ждать подолгу. Первой из них появилась девчонка, словно та беда, что не приходит одна.

Я уже собрался уходить, когда в квартиру позвонили. Открыл дверь и увидел на пороге девушку.

– Ой! – испуганно воскликнула та. Но уже в следующий миг заулыбалась.

Оказалось, мы были соседями, но дальними, жили на разных концах дома. В моей квартире она ожидала встретить свою подругу – и подумать не могла, что та успела съехать, никого не предупредив. Я лишь развел руками:

– От меня тоже девушка ушла, не попрощавшись. И ничего, живой, как видишь.

Гостья глянула на меня хитро, оценивающе. Спросила:

– Не угостишь чаем?

Я полагал, что уж кто-кто, а я предупрежден о женском коварстве. Но, как и положено хорошему лазутчику, видом своим она внушала полное доверие – славянская красавица, светло-русая, сероглазая. Вмиг усыпила мою бдительность и шмыгнула на кухню. А я пошел за ней, как опозоренный защитник дома-крепости, отдавший неприятелю ключи от форта. Поставил чайник, и под его шум девчонка принялась расспрашивать:

– Один живешь?

– Ну да...

– Всегда ты так гостеприимен с незнакомцами?

– Обычно те ведут себя скромнее – на гостеприимство не напрашиваются.

– О, ты еще не всех знаешь!

– Ну, на то они и незнакомцы...

– Давно сюда переехал?

– Да нет, на днях только...

Ее вопросы обгоняли один другой, и лишь блокнота в руках не доставало, чтобы я почувствовал себя респондентом. Миловидная на грани приторности, она балансировала ловко, не переступая грань. Жеманно растягивала слова, стреляла в меня взглядами, острыми, как двузубая вилка. Открыто со мной заигрывала. Видимо, нашла во мне замену пропавшей подруге и легко утешилась. Впрочем, едва допив чай, девчонка спохватилась и засобиравшись уходить. Но уходя предупредила, что зайдет еще, когда я меньше всего буду ждать.

Выпроводив гостью, я вскоре вышел сам. Заглянув в почтовый ящик, выудил из вороха листовок и счетов извещение о бандероли. Ни имени отправителя, ни обратного адреса... Решил зайти на почту. Но отыскал ее с большим трудом, как будто город в одночасье сделался чужим, словно все улицы в нем переименовали за ночь. Незнакомые дома строились шеренгой, подтянув и без того плоские животы, стояли не на жизнь, а на смерть, не сдвигаясь с места. «Наваждение какое-то...» – думал я, чертыхаясь. Погода переменялась, небо потянуло на себя край облачного одеяла, с виду теплого, а на деле сырого, и скоро солнце в нем укрылось с головой.

Наконец поиски мои увенчались успехом, и, отстояв в очереди добрые полчаса, я забрал посылку. Та оказалась небольшой, и я распаковал ее прямо на почте. Внутри обнаружился плеер с наушниками. А в плеере – диск. На нем имелась надпись от руки: «Mutato nomine de te fabula narratur». И еще: «Discernit sapiens res, quas confundit asellus». Латынь? Что значили слова, я мог только гадать. Мучимый любопытством, разгоравшимся все сильнее, включил воспроизведение.

«Родилась я в самой середине лета», – произнес женский голос. Он показался мне смутно знакомым, и я, было, принял услышанное за радиоспектакль. Однако вслушавшись внимательнее, понял: запись плохого качества, по всему судя, диктофонная, и содержание не претендует на художественность. Так что я скоро заскучал. Но продолжал слушать содержимое диска в пол-уха сквозь городские шумы, пока бродил по улицам в поисках парикмахерской. Скоро мне стало ясно, что записана была беседа женщины с мужчиной. Тот выдавал свое присутствие лишь сдержанным покашливанием и вдохами, предварявшими его реплики, ныне тщательно

затертые. Она же пересказывала ему свою жизнь с предельной откровенностью, хотя для исповеди в ее тоне и недоставало надлежащего раскаяния. Напротив, говорила с вызовом, высокомерно, холодно.

В парикмахерской я отвлекся от подслушивания чужих тайн и с удивлением узнал, что нынче в салонах не бреют. Должно быть, посвятив себя работе, я отстал от жизни безнадежно – века до девятнадцатого, когда цирюльники еще были в чести. Незаметно подошел буревой фронт. За окнами стемнело. Загромыхало, полило. И я поймал себя на ощущении из детства, будто следом за грозой идет что-то недоброе, таинственное, страшное.

Получасом позже, коротко стриженный, я разглядывал свое новое отражение: не красавец, не урод – посредственность. Серая мышь, даром что черноволосый. На миг заколебавшись у дверей салона, шагнул под дождь. Вода потекла по лицу, по шее, за шиворот. Под ногами, жадные до территорий, расплзались лужи. Я собирался в магазин, но деньги у меня в кармане, вымокнув, уж больно стали походить на свежееотпечатанные фальшивые. Заскочил домой переодеться и наконец побриться. Там-то меня и застал телефонный звонок.

– Ты дома? – раздался в трубке голос моей утренней знакомой. А я совсем не помнил, чтобы давал ей свой номер... – Я сейчас зайду. Нужно срочно переговорить!

– Э-э, – попытался я протестовать, но девчонка уже бросила трубку.

Я не готов был умирать ради прекрасной дамы с голода. Но не прошло и двух минут, как в прихожей раздался звонок. Не глядя я распахнул дверь и замер... Вместо девчонки на пороге высился, заслоняя свет потолочного плафона, бородатый парень неопрятного вида – в безразмерной клетчатой рубаше с оттянутыми карманами на груди и засаленных джинсах. Растительность на его пористом лице торчала клочковато и напоминала черный мох на березовом пне.

Более ничего в ту первую секунду я заметить не сумел, а второй у меня уже не было: едва незнакомец увидел меня, лицо его исказила гримаса ярости, с какой впору идти в атаку на врага. Что он и сделал в следующий миг, ринувшись на меня тараном. И, не успев опомниться, я оказался намертво прижат к стене его тяжелой тушей.

– Какого черта ты здесь делаешь?! – зашипел верзила и потянул лопату пятерни к моему горлу. Что было силы я ударил его головой в лицо. Попал, должно быть, вместо переносицы куда-то по зубам и от того сам едва не свалился без сознания, искры посыпались из глаз. Но мертвая хватка ослабла.

– Зачем же сразу драться? Ну, погорячился я, с кем не бывает! – Здоровяк вдруг заулыбался и коротко потрепал меня по плечу, как старого приятеля. От панибратства я опешил больше, чем от нападения. – Лучше бы чаю, что ли, предложил гостю. Баба-яга и та сначала Ивана-царевича накормила.

Если бы не апатия, с недавних пор овладевшая мной, я, без сомненья, отказал бы лже-царевичу в угощении. Но безразличие порождало бесстрашие, и несколько минут спустя, как образцовая домохозяйка, я расставлял на столе чашки, кипятил чайник, думая о том, что целый день отпаиваю чаем незваных гостей, и чем дальше, тем гости становятся хуже. Однако много требовалось усилий, чтобы испугать меня: собственную жизнь я смотрел, как фильм, в котором за меня играл дублер. Сам же я, будто матерый критик, видел только фальшь: сюжет казался неправдоподобным, декорации – малобюджетными, актеры – бесталанными. Перемотать пленку назад было нельзя, да и не очень-то хотелось.

Я выскреб лед из холодильника, завернул в полотенце и предложил компресс верзиле, хотя удар ему явно смягчила борода. Сам занялся тем же – на лбу у меня проступала шишка.

– Чем я тебя так разозлил? – После столь тесного знакомства я позволил себе перейти на «ты». – Я, вроде, и врагов еще нажать-то не успел...

– Как тебя звать? – пророкотал верзила.

Я представился, рассчитывая на взаимность, но напрасно. Гость потребовал:

– Паспорт покажи.

Я сходил к шкафу, где лежали документы, принес паспорт.

– Быть того не может... – выдохнул верзила и тем немало удивил меня: прежде моя фамилия ни у кого не вызывала сомнений, даже у лиц при исполнении. Однако удивлениям только положено было начало, ибо сразу вслед за этим он потерял к моей персоне всякий интерес, вытащил из-за пазухи книгу, полистал страницы и углубился в чтение. «Дисперсионные теории сильных взаимодействий при низких энергиях» – разобрал я на обложке. Оторопевший, только и сумел спросить:

– Я тебе не мешаю?

Не поднимая глаз от книги, он покачал головой:

– Нет, отчего же... Напротив, я тебя внимательно слушаю.

Я открыл рот, желая возразить, что слушать должен я, а он – объясняться, но в этот момент в прихожей снова раздался звонок.

На сей раз на пороге обнаружилась девчонка. Я уж успел забыть о ней.

– Ой... – вновь воскликнула она. Неудивительно: узнать меня теперь было непросто. – Пустишь?

– Да, если только ты не переодетый налетчик.

– Переодетый? По перемене внешности сегодня ты рекордсмен.

– Зря смеешься. Один такой уже сюда вломился.

Она проскользнула на кухню. И с радостным возгласом приветствия подскочила к верзиле. Ко мне же обернулась с упреком:

– Это не налетчик. Это, между прочим, физик, кандидат технических наук.

Одна банда, понял я. Спросил, усаживаясь за стол:

– Может, объясните, наконец, чем я обязан вашему визиту? А то здесь не читальный зал.

– Слушай, – перебила девчонка, – у тебя найдется что-нибудь съестное? Есть ужасно хочется.

– Шаром покати.

Похоже, в этом доме на мои вопросы отвечать никто не собирался.

– Я поищу?

– Валяй.

С детства я привык готовить сам, но тут такая каша заварилась, что мне стало не до кулинарии. Я достал пару банок пива, одну предложил кандидату технических наук, и тот не отказался.

– Сколько тебе лет? – спросил я. Выяснилось, что он не намного меня старше. Однако борода и крупное телосложение изрядно прибавляли ему возраста. И подле него я, худой, стриженный, бритый, выглядел мальчишкой. – Ты вправду физик?

За него ответила подруга:

– Да. И представь себе, он даже может отличить уравнение Шрёдингера от соотношения неопределенностей Гейзенберга.

Я представлял это с трудом. И уж совсем вообразить не мог, откуда о таких материях известно ей.

Девчонка гремела кухонной утварью, вторя далеким грозовым раскатам, и без умолку болтала, обращаясь только к физику. Тот молчал, но явно чувствовал себя как дома. Ощукая себя лишним, я взял пиво, вышел на балкон.

Грозовая темень не развеивалась. То ли тополинный пух кружился в воздухе, то ли снег. Я скоро продрог и вернулся к гостям.

Девчонка уже расставляла на столе тарелки. Как тыкву – в карету, фея из крайнего подъезда превратила старую белокочанную капусту, повядшие яблоки и засохший изюм в салат. На второе подала фрикадельки из картофельного пюре. На моих глазах гостя сварила сказоч-

ную кашу из топора, пусть диетическую, и я лишь диву давался, а вот верзила физик откровенно загрустил – такого здоровяка сказками не накормишь и на диету не посадишь.

Он ковырялся вилкой в салате, изучая его тщательно, как смелую научную гипотезу. Девчонка забралась на стул с ногами и больше смотрела в окно, чем в тарелку. Оба не обращали на меня внимания. Так что я чувствовал себя бесплотным домовым, перед которым угощение поставили только затем, чтобы задобрить. Хотя добрее меня сделало пиво, выпитое на пустой желудок. Однако следовало гневаться, требовать у незваных гостей объяснений, выдворять их вон. И я уже открыл рот, чтобы вывести их на чистую воду, как вдруг девчонка взвизгнула, заставив меня вздрогнуть:

– Ой! Опять он!

Прильнув к стеклу, она указывала вниз, на противоположный тротуар. Мы с физиком уставились в окно следом за ней.

– Ну, да. Точно он. Видите вон того старичка в шляпе?

С высоты я только шляпу и увидел. Но в следующий миг прохожий, словно угадав, что стал объектом наблюдения, задрал голову и взглянул прямо на нас. Девчонка ойкнула, отпрянув от окна, а я смог лучше разглядеть виновника ее испуга. Ничего примечательного – старичок, каких сотни.

– Вы представляете, вот уже целый месяц, куда ни пойду, везде с ним сталкиваюсь, – жаловалась моя гостья. – Начала подозревать, уж не следит ли он за мной...

– Все! – не выдержал я и даже кулаком ударил по столу, но вышло неубедительно. – Выкладывайте, зачем явились!

Гости переглянулись, физик задумался, потом и вовсе помрачнел, кашлянул и проговорил не без труда:

– Пропала моя девушка. Ушла к другому.

– Дела... – Я фыркнул и залил злорадный смех изрядным глотком пива. – Ну и что с того?

– Она жила здесь.

– Она же и моя подруга, – добавила девчонка.

Выходило, что примерно в одно время исчезли две молодые особы, причем одна проживала в квартире до меня, другая собиралась жить со мной, да передумала. Я начал понимать: дело нечисто. И в лучшем случае, то происки нечистой силы, а в худшем – чьих-то грязных рук дело. Закралось подозрение: что если две пропавшие – одна и та же? Что если моя неверная и с этим верзилой роман крутила? Стараясь свыкнуться с потерей, я похоронил ее. И менее всего хотел теперь порочить память мертвых, вороша их грязное белье и проливая свет на темное прошлое. Но все-таки спросил:

– У вас, случайно, не найдется фотографии вашей... исчезнувшей?

– Да-да! Ведь мы к тебе за этим и пришли, – спохватилась девчонка.

Я напрягся, ожидая худшего. Но лицо, запечатленное на фото, увидел впервые. С этой женщиной я точно никогда не жил. Нет, с ней я точно никогда не стал бы жить.

– Не узнаю, – обрадовался я. От сердца отлегло, я вмиг сделался добр и человеколюбив. И отхлебнул из новой банки пива. – Может, квартира проклята, и девушки здесь долго не живут? Ты как себя чувствуешь? – спросил подругу физика.

Та фыркнула: мол, не валяй дурака.

Ощупывая лоб, я обратился к верзиле:

– Что же ты морду не набил сопернику?

– Какое там! У него черный пояс по карате.

Он даже назвал фамилию своего недруга, но я, отвлекшись, пропустил ее мимо ушей: что-то на букву «с» – то ли Снежинский, то ли Снегов, то ли Снегирев.

Физик полез в карман:

– Пожалуй, стоит показать тебе и его фото.

– Хранишь, как родного, у сердца? – съехидничал я, сам бессердечный.

– Врага необходимо знать в лицо, – парировал верзила, и на стол передо мной легла вторая фотография – потрепанная, измятая, подклеенная скотчем.

Я похолодел. Если бы только мои короткие волосы и без того не стояли торчком, они встали бы дыбом. На меня смотрело собственное лицо. То самое, что час назад я разглядывал в зеркале – внимательно, чтобы запомнить и не принимать больше, увидев мельком, свое отражение за чужака, за вора. За врага.

«Боже, зачем я стригся... – успел подумать я. – Когда бы не стригся, не был бы похож настолько!» Где-то в мозгу еще заикнулась и все крутилась, как спасательный круг, мысль, что все случившееся – чей-то розыгрыш. Недобрый... Или попросту злой.

– Я никогда не занимался карате, зуб даю! – спешил поклясться я.

Девчонка выхватила фото у меня из рук, взглянула мельком и уверенно сказала:

– Всего не похож. Смотри: у этого вон нос какой кривой, а у нашего, – кивок в мою сторону, – еще ничего. У этого, с фото, глаза карие, а у нашего-то зеленые.

– Фото черно-белое, – осторожно заметил физик.

– И что с того? Что я, по-твоему, по черно-белому не догадаюсь? А уши? Повернись-ка в профиль, – велела мне. – Ты только посмотри на эти уши!

Казалось, меня разбирают по косточкам в анатомическом театре. Или делают бертильонаж – кто знает, может, я отстал от жизни до тех пор, когда криминалистика еще не знала отпечатков пальцев, идентифицируя преступников по форме носа и ушей?

Первое впечатление прошло: теперь и сам я видел, что на фотографии не я, но только человек, изрядно на меня похожий. Физик еще колебался, долго всматривался то в мое лицо, то в фото, как таможенник на границе. И наконец сдался:

– Ваша правда. Парень, извини, ошибка вышла. Вообще я в этих тонкостях не разбираюсь, меня больше убедил твой паспорт, – хохотнул он под конец.

И в самом деле, спохватился я, ведь он уже назвал фамилию моего двойника.

– Как-как, ты говоришь... – пощелкал я пальцами, силясь припомнить, – как его зовут?

Но еще прежде чем физик ответил мне, я вспомнил сам. Вспомнил, где слышал это имя...

До того только похолодевший и быстро согревшийся, теперь я ощутил мороз, подиравший по коже. А вот всегдашнее безразличие мое, напротив, таяло, сменяясь страхом. Я сделал вид, что фамилию слышу впервые – бровью не повел, ничем себя не выдал.

Физик засобиравшись уходил. Просил позвонить, если я прознаю что-то о его беглянке, и оставил номер. Но я уже утаивал от него правду. И мы простились, как считал я – навсегда.

Едва за ними затворилась дверь, я дрожащими руками нацепил наушники и включил плеер из анонимной посылки. Знакомый голос продолжал рассказ, только теперь я вслушивался в него со всей жадностью, со всем вниманием, как слушал бы человек, умирающий от жажды, шум воды. И старался не думать о том, что подобных совпадений не бывает. Сидел у распахнутого окна, падая на дно глубокой, как колодец, ночи. Свет не включал, позволяя мраку заполнять комнату доверху. Я всегда любил темноту, играл с ней в жмурки. От роду незрячая, та всякий раз выигрывала. Милосердная, не только скрадывала мое лицо, в одночасье ставшее опасным, но и сгущалась над воспоминаниями – те истирались, исчезали, словно корабли в бермудском треугольнике, вереницами железнодорожных составов уходили прочь. И сердце мое стучало, как колеса эшелонов с невозвращенцами: сам для себя я стал пропавшим без вести, давно потерянным, забытым. А вот мои сегодняшние гости, казалось, знали меня лучше, чем я сам. Словно от нежеланного родства, я вынужден был отрешиваться от сходства с другим человеком и оправдываться, как заведомо приговоренный. Сам чуть не поверил обвинителям.

На улице шел снег, но таял еще в воздухе, земли не достигая. Мокрый асфальт блестел, автомобили стреляли из-под колес фейерверками брызг. Редкие прохожие обращали к небу

зонты, как в молитве воздетые круглые лица. Я слушал одну за другой записи, и девушка, чьи интонации казались мне знакомыми, все повторяла имя – то самое, что называл физик. И оттого теперь оно пугало меня, будто снег в разгаре лета.

Снеговской.

Жажда знаний утолить не удавалось: сколько бы книг он ни проглатывал, насытиться не мог. Читал везде и даже за рулем – под каждым красным огнем светофора. И возвратившись вечером домой, сладостно предвкушал, как заберется с книгой в постель, но затрезвонил телефон. Звонивший приказал:

– Делай, что хочешь, но любыми средствами мальчишку нужно завтра выпроводить из дома на весь день!

Физик привык, читая, поглощать чужие идеи. Теперь настало время генерировать свои.

Вот уже несколько часов прошло, как Бат писал не отрываясь. Не спал, по-видимому, уже трое суток. Но и теперь мертвецкому сну должен был предпочесть смертельную усталость. Из-за нервного истощения руки не слушались, и от неосторожного движения стопка исписанных листов упала, разлетелась по полу. И Бат, прежде смеявшийся над суевериями, нахмурился. Он знал, что для актера верная примета: если даже одна страница из сценария упала на пол, спектакль не удастся. Бат актером не был, однако нехорошее предчувствие закралось в его сердце все равно.

Глава 2. ОНА (1 июня) ГИПЕРТЕРМИЯ

Перегревание, накопление избыточного тепла в организме с повышением температуры тела.

Родилась я в самой середине лета. В северном мегаполисе, где солнечных дней за год едва набиралось на месяц. Но отношения с солнцем у меня не складывались. А с недавних пор и вовсе были накалены до предела.

Сперва пришла весна. Растаял снег, и скоро даже память его поросла быльем. Показанному, по-больничному бело и пусто стало на улицах, слишком светло весь день – от ранней пробуждения, до позднего отбоя. Очертания города – гранитные, асфальтовые, мраморные – обострились по весне, он сделался похож на исхудавшего за зиму безнадежно больного, которого санитары под руки вывели на прогулку. На деле это я была таким больным. Даром что не оказывалось подле меня санитаров.

Сердце мое стучало лихорадочно, в груди горела адская жаровня. Зимой напролет я открывала окна настежь и задыхалась там, где люди прятались по шубам. Но скоро зима мне изменила, побежала к другому краю земли – только льдистые пятки сверкали. Врачи, разводя руками, без усталости выписывая тщетные рецепты, повесили на меня ярлык: «Держать вдали от прямых солнечных лучей».

Так много накопилось в моем теле жара и огня, что ледяное равнодушие росло в душе ему в противовес. Этого холода хватило бы, чтобы повергнуть мир в безбрежие зимы второй раз за год. Но поголовно все вокруг меня любили лето, готовые постоять за него – сложить головы на пляже. В кругу друзей я чувствовала себя осажденным городом в кольце вражеских сил. Хотя у них, уверенных в скорой победе, пыл сражения погас: давно сняли кожаные латы, меховые шлемы и вязаные свитера-кольчуги. Бросили перчатки, но не для вызова на поединок – в долгий ящик. Мои ненадежные союзники, любители зимних видов спорта, сдались, сложили оружие, которого только и было у них, что лыжные палки. А лето шествовало триумфально: взамен белого флага капитулировавшей зимы, несло свое знамя, зеленое. Как мародер, уже обобрало всех горожан до нитки, догола раздело.

Мне же представлялось, едва закрывала глаза, что покрываю землю снегом, я – новая Снежная королева. Хотелось, чтобы он засыпал всю снегоуборочную технику и все дома до крыш. Чтобы горожане оказались заперты в сугробах, в снежной блокаде, терпя бедствие в ледяном наводнении, как терпели ныне, задыхаясь, торфяные пожары молодого и по-юношески горячего лета.

Увы, я не была хозяйкой горнолыжного курорта, не владела снежными пушками и ружьями. Не имела ни снегогенераторов, ни систем оснежения, чтобы применить к войскам неприятеля принуждение к миру: засыпать снегом, умиротворяющим, будто вечный покой.

Существовало лишь одно убежище, надежно укрывавшее меня от солнечного света – ночь. Весь день город глотал пыль, и только к вечеру дышал свободнее грудной клеткой проспектов, улиц и каналов, опутавших мегаполис, как ребра, переломанные в разных местах. К ночи цветы благоухали сильнее, фонтаны, подсвеченные разноцветными огнями, били фейерверками. Выпускники крепленными напитками обмывали медали. Становилось бело от подвечных платьев и светло от вспышек.

Как и молодожены, город был усыпан монетами, цветами и зернами: горожане кормили птиц и разбивали клумбы, туристы швыряли деньги в фонтаны. Всем до единой городским скульптурам приписывалось умение исполнять желания. Их осыпали желтыми монетами, как истуканов – золотом. У меня в карманах водилась мелочь, но я не знала, чего пожелать. Стоило

просить смерти моего врага, но знала: бронзовые памятники не чета языческим богам и кровожадностью не славятся.

Имя у врага моего было непростое и, конечно, неспроста.
Снеговской.

Он представлялся людям не иначе, как на западный манер, именем Гарри.

Немолодой уже человек – маленький, с ежиком седых волос, с хитрыми глазками, что, как две рыбки, метались в сети морщин, еще живые, – он оставил машину в паре перекрестков от цели своего путешествия и остаток пути проделал пешком. До такой степени невзрачный, что невзрачность стала ярчайшей чертой его, Гарри смешался с толпой и скоро достиг условленного места, сел за столик уличного кафе, заказал чашку чая, хотя пить его не думал, и принялся смиренно ждать. Однако молодая особа, что прежде никогда не отличалась пунктуальностью, на сей раз появилась вовремя: девушка в белом платье с черными по-вороньи волосами, невысокая, до хрупкости худая, отчего ни у кого язык не поворачивался звать ее иначе, нежели именем уменьшительно-ласкательным, несмотря на ее жесткое, взрослое не по возрасту лицо, с глазами цвета темного, низко нависшего неба. Она легко узнала Гарри, хотя виделись они в последний раз давно, и под села к нему за столик.

Сразу после кратких слов приветствия, не тратя времени на светскую беседу, Гарри заговорил вполголоса, с пришепетыванием, вкрадчиво улыбаясь: «Дорогая Анечка! Я хочу предложить тебе кое-что продать, и очень выгодно продать. Нет-нет, отнюдь не душу. Я, быть может, изверг, но еще не дьявол. Только тело, да и то не целиком. Нет-нет, это совсем не то, о чем ты думаешь!»

Глава 3. ОН (4 июня) ИНИЦИАЦИЯ

Обряд посвящения в родовом обществе, связанный с переводом юношей и девушек в возрастную категорию взрослых мужчин и женщин. Торжественное принятие нового члена в какую-либо секту.

Под знаком «прочие опасности» мы повернули, и дорога, где водителей подстерегали самые разнообразные несчастья, приняла автомобиль в свои объятия, распростертые до горизонта. Я провалился в сон. Когда же вновь открыл глаза, вокруг высился лес. Здесь уже не было ни знаков, ни машин, помимо нашей. Когда бы не дорога, пусть ухабистая и теснимая деревьями, я бы решил, что в этих краях не ступала еще нога человека. Дальний свет фар упирался в темноту сырой беззвездной ночи, будто в стену. Свет в конце тоннеля, подумал я и снова задремал.

Когда мне предложили выгодную работу на строящемся горнолыжном курорте, я согласился не раздумывая, так как на прежнем месте сутками просиживал за монитором, весь в платах и проводах, как реаниматорный пациент, чью жизнь поддерживают аппараты.

В город за мной прислали машину. Ехали ночью – сначала по федеральной трассе, потом по проселочной грунтовке. В пути я спал, но даже когда просыпался, видел все вокруг, как в мутном нездоровом сне. На выбоинах трясло немилосердно, и к концу пути я чувствовал себя вконец разбитым. Как только оказался в спальне гостевого дома, отведенной мне хозяином курорта, не раздеваясь рухнул на кровать и замертво уснул. Спал тяжело: дрожь колотила – то от жара, то от холода, и ломота терзала, словно накануне меня долго избивали.

Когда на следующее утро вышел на крыльцо, я едва не ослеп от белого искрящегося снега. На лапах елей, на карнизах крыш, на земле и в небе – тот был всюду. Как из реальности в фантазию, попал я в зиму из начала лета. Слышал, конечно, что на горнолыжных склонах применяют холодильные установки, создающие снежный покров даже при положительной температуре, но не думал, что у них хватает мощности засыпать целый лес в придачу.

Оделся потеплее и пошел осматривать курорт, искать администрацию. С десятков коттеджных домиков, подсобные помещения, три горнолыжных склона – будто стоянка первобытного человека в глубине культурного слоя курорт предстал передо мной островком цивилизации в глухих лесах. И скоро я перезнакомился со всеми его обитателями.

Их оказалось семеро: охранник Волгин, компьютерщик по кличке Физик, врач – в прошлом сотрудник ожоговой больницы (здесь ему едва ли предстояло вновь столкнуться с ожогами, разве что с обжигающим холодом), еще один парень по прозвищу Лунный Трактор – водитель ратрака¹ и по совместительству спасатель, старичок Султан – повар-татарин, которого владелец курорта привез с собой с юга, молодая женщина – прежде психолог, а ныне горничная и девушка Анна. Недоставало лишь хозяина. Его ожидали завтра.

Выяснилось, что каждый вновь прибывший по драконовым законам курорта должен был подвергнуться обряду посвящения. Как моряку, пересекающему в первый раз экватор, мне предстояло испытание – похуже «Праздника Нептуна». Я упирался и протестовал, однако шумная компания лавиной поволокла меня к склону, а там столкнула в яму, завалив по шею снегом и заставив выкарабкиваться. Хотя снег и подтаял изрядно, задача оказалась непосильной. Кончилось тем, что меня тянули из сугроба за руки всем миром. Когда же вытащили, я представлял собой жалкое зрелище: снег набился в уши, в волосы, за шиворот, в ботинки, я промок до нитки, отплевывался, прыгал, слясь отряхнуться, и стучал зубами.

¹ Ратрак – бульдозер для утрамбовки снега. (Здесь и далее: примеч. авт.)

Волгин похлопал меня по плечу, выбивая снежную пыль и брызги, сказал смеясь: «Поздравляю, парень! Считаю, ты умер и родился заново. Еще повезло: раньше все новички проходили боевое крещение в проруби».

Стоя перед зеркалом в спальне, куда заскочил переодеться, я пришел к выводу, что не только не умер, но даже, напротив, за последние месяцы поправился. Пообещал себе заняться спортом, раз уж судьба забросила меня в спортивный комплекс. Потом зашел в кафе, где старожилы накормили меня и напоили кофе с коньяком. Наперебой расспрашивали о городских новостях и, всякий раз не дослушав, пересказывали здешние байки. Что говорить, обряд инициации принес плоды: я уже чувствовал себя в кругу близких друзей. Гадал: не оказался ли в раю, пусть белом не от ангельского пуха, но от снега?

Анечка позвала меня пройти, мы обошли все корпуса, многие из которых еще стояли необжитые, и побрели по лесной аллее. Зима на глазах превращалась в весну, а весна – в лето. Деревья за спиной стояли белые от инея, а впереди – упившиеся талым снегом. В лесу царил неземная тишина: ни звука, кроме наших голосов, пока мы говорили, и шагов – пока шли молча. Анна казалась мне совсем еще ребенком: на ходу поглаживала стволы елей, запускала пальцы в колючую хвою, привечала их: «Здравствуйте, братцы!», некоторых обнимала, прижимаясь щекой к шершавой коре. Я наблюдал за ней украдкой: и сама, как тонкое деревце, изящная, гибкая, она улыбалась так, что снег вокруг таял быстрее. И вовсе не от холодного воздуха у меня перехватывало дыхание.

– Расскажи о себе, – попросила она.

Я пожал плечами:

– Да у меня все, как у всех, – родился, учился... Теперь вот работаю.

Она замотала головой:

– Нет, это не дело. Без реально значимого прошлого герой так и останется второстепенным персонажем. И никогда не вызовет сопереживания у... например, читателей. Необходимо наделять тебя подлинной биографией: о чем мечтал, что любил, о чем жалел, чего не получил, какие были отношения с людьми, с родителями, с женщинами...

Я рассмеялся:

– Это что, допрос? – Потом спросил сам: – А что, если мое прошлое – это и есть главная загадка в твоей хм... например, книге?

Анна не ответила, склонила голову в задумчивости.

Возвратившись в коттеджный поселок, мы долго не могли расстаться, все топтались друг напротив друга в нерешительности, путаясь в словах. И невозможно было различить, кто из нас двоих покраснел сильнее. Оба пунцовые, мы наконец простились, пряча глаза, опуская лица к остужающему снегу.

Свернув к своему дому, я увидел Волгина – тот стоял на крыльце и курил, поглядывая на меня. Когда же я поравнялся с ним, обронил вполголоса:

– Будь с ней поосторожнее, парень. Говорят, девица того... ненормальная.

Я сделал вид, что не расслышал. Признаков душевной болезни в девушке я не увидел. И предпочитал верить глазам, а не ушам. Ибо еще сильнее, чем услаждала слух, Анечка радовала мой взор.

Мужчина лет тридцати по имени Константин Лунный отделился от туристической группы, когда экскурсовод упомянул о разделении южных ароматических масел на лечебные и эротические, а туристы мигом перестали озираться и окружили его плотным заинтересованным кольцом. На экскурсанта, что в тот момент перешагнул веревочное ограждение с табличкой «посторонним проход запрещен», никто не обратил внимания. Так, не замеченный никем, Лунный пересек бесплодную каменистую пустошь и углубился в можжевеловый душистый лес.

Путь по склону, круто забирававшему вверх, оказался не из легких. Давал о себе знать разреженный горный воздух, и Лунный изрядно запыхался, прежде чем снова вышел под открытое небо – к зубцам горы Святого Петра. Здесь, на самом краю обрыва, отвесно уходившего из-под ног на добрых полтора километра вниз, к морю, росла черемуха. Лунный приблизился, поднес ладонь к ее узорчатому стволу. Мимо этого дерева ежедневно проходили сотни людей; продажное, как женщина легкого поведения, но и терпеливое, как исповедник, оно всем позволяло касаться себя и всех выслушивало. На полуострове можно купить любое чудо, знал опытный проситель Лунный. Здесь каждый камень по прихоти экскурсоводов готов исполнять желания – только брось монетку через плечо. Но едва ли удастся сбить монеткой черта, что сидит за левым.

Помимо ангела-хранителя и беса за спиной у Лунного теперь стояла сама смерть. За минувшие несколько дней он посетил, должно быть, все чудотворные достопримечательности полуострова. Одних монеток раскидал – целое состояние. Дал все возможные зароки, клятвы и обеты. И вот теперь высоко в горах стоял перед дикой черемухой и просил ее, чудотворную, сохранить ему жизнь. Отсюда, с горного плато, ближе всего было до неба, но все так же оно оставалось безучастным к его мольбам – знака не подало, чудес не явило, и даже молнией не разразило его, беспутного. Молчало, не по южному серое.

С горы Святого Петра Лунный спустился на одном из последних фуникулеров, пешком добрался до ближайшего городка-курорта – Алубики. Заметив старую телефонную кабинку, зашел, бросил еще одну монетку на удачу и набрал номер медицинской лаборатории Ахтиара. Когда же после невыносимо долгих гудков в трубке раздался вышколенный женский голос, в ответ на роковой вопрос Лунный услышал: «Результат положительный». Телефонная кабинка вмиг стала тесна ему, и на подгибающихся ногах он вывалился на улицу.

Докуда хватало глаз нигде не было ни души, туристы попрятались по домам, как муравьи в предчувствии ненастья. С моря поднимался ветер, с гор опускались сумерки. Метлы серебристых тополей качались в небе из стороны в сторону, разгоняя облака, но только больше грозовой грязи развели. Лунный вытащил из кармана пачку сигарет, пробовал прикурить, но каждый раз выходила осечка, пламя гасло, так что он вскоре оставил попытки и, зажав в зубах холостую холодную сигарету, пошел по темнеющим улицам вниз, к остановке автобусов. Все минувшие дни он прощался с жизнью, и как выяснилось, не напрасно. Так что теперь должен был спешить.

Растворяясь в сумерках, по извилистой магистрали Джалита – Ахтиар летела машина. И те немногие, кто видел ее, удивлялись, как до сих пор она не полетела в пропасть. Водитель, пребывавший в крайне дурном расположении духа, вел автомобиль, значительно превышая скорость, допустимую не только законом, но и здравым смыслом. То был профессор Медицинской академии города Самватас Богдан Баталов – высокий стройный брюнет, на окружающих взиравший свысока и чуть прищурившись, будто повсюду его ослепляло солнце. Недруги видели в такой манере беспредельное высокомерие, коллеги предполагали близорукость, а самого Баталова ничуть не волновало мнение ни первых, ни вторых.

Волею судеб профессору пришлось спешно покинуть академию, хотя не далее как этим утром, он еще читал лекцию в институтской аудитории на кафедре токсикологии, радиологии и медицинской защиты:

– Что касается тактики нейтрализации действия кетамина, – давеча диктовал Баталов с выразительностью метронома, – нейролептические препараты не облегчают состояния психического дискомфорта и не снимают визуальных побочных эффектов. – Стоя перед высоким окном, он покачивался с носков на пятки, а пятьдесят пар глаз исподтишка за ним следили. –

Врач должен не допустить угнетения функций центральной нервной системы, по мере необходимости принимая меры для защиты дыхательных путей...

Внезапно дверь аудитории приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова секретаря. В чрезвычайном волнении тот прошептал:

– Богдан Александрович!

И Баталов стремительно вышел, почти выбежал, как будто лекция оказывала усыпляющее действие лишь на студентов, а гипнотизер-профессор оставался начеку – только и ждал сигнала, чтобы сорваться с места.

Слухи, ходившие среди учащихся академии о Баталове, быстро стали разновидностью молодежного фольклора. Студентки единогласно сочли его самовлюбленным и бездушным, а студенты посчитали подлецом и мизантропом. Но очарованы были как первые, так и вторые. И девушки пренебрегали юношами: стыдливо прикрываясь псевдонимами, писали на страницах интернет-дневников, способных вытерпеть даже больше, чем бумага, долгие и тоскливые во всех неопытно эротических подробностях фантазии о дьявольски элегантном преподавателе.

И потому когда первые ряды передали последним, что Баталова в срочном порядке вызвал ректор, так как с ним хотят побеседовать сотрудники внутренних дел, любопытство, помноженное на пятьдесят душ, сделалось совершенно невыносимым.

Теперь Богдан гнал машину по опасной прибрежной трассе, нисколько не заботясь о крутых поворотах над пропастью. И когда пепел последней сигареты был развеян по ветру, он потянулся к бардачку за новой пачкой, не сбавляя скорости. Обнаружил там несколько старых газетных вырезок, однако нужды в них уже не было – содержание статей, прежде интересовавших его, Баталов помнил слово в слово.

«В Акъмесджите изготавливали редкий синтетический наркотик – метамфетамин, также известный под жаргонным названием „лед“. Хроническое употребление метамфетамина вызывает необратимые повреждения мозга. Оперативникам Федеральной службы наркоконтроля удалось выявить группу лиц, промышленявших изготовлением метамфетамина. Подпольными химиками оказались работники акъмесджитского цирка. Теперь им грозит до двенадцати лет лишения свободы».

«Тоже мне, циркачи», – усмехался, вспоминая их, Богдан.

«Сотрудники областного управления госнаркоконтроля в Ахтиаре ликвидировали наркоточку, где изъяли метамфетамин – сильнейший препарат группы стимуляторов, который страшен длительным тяжелым действием на организм. Употребивший его человек теряет контроль над собой, может не есть, не пить, сутками бежать, преодолевать немыслимые препятствия и совершать преступления невероятной жестокости. Задержанным предъявлено обвинение в хранении и распространении наркотиков в особо крупном размере».

Ночь застигла Богдана в дороге, и он остановился в мотеле. Газеты скомкал и выбросил. Больше ему никого не нужно было искать, ловить, выслеживать. Теперь искали его самого. И требовалось только подождать, пока найдут. Ждать, в чем он не сомневался, оставалось недолго.

2. TERROR

страх

Глава 4. Я (2 июля)

АВЕРСИЯ

Отсутствие полового влечения к противоположному полу.

Моя вчерашняя знакомая оказалась на редкость настойчивой. Позвонила мне чуть свет и пригласила на свидание, назначив встречу в парке Военно-медицинской академии. Выбор места для прогулки показался мне странным, но внимание прекрасной дамы льстило, и я, наскоро выпив чашку кофе, вышел на улицу.

Когда рыба гниет с головы, хвосту не остается выбора. Из-за атмосферных аномалий и на земле все встало с ног на голову: цветы распускались в молодой траве, сверху падали бурые листья, померзшие ночью, когда, все сметая на своем пути, шли дожди с градом. Лужи покрывались тополиным пухом, будто льдом. Стояла жара, но речной ветер, порывистый и ледяной, остужал горячие головы, освежал сонные лица, слезы сушил, щекотал до смеха, трепал по волосам и подталкивал в спину.

Я пересек площадь Военных медиков, миновал памятник врачам, погибшим на фронтах, вошел под сень деревьев парка. Маленький город внутри большого – Военно-медицинская академия располагалась на площади нескольких кварталов, владела десятками зданий. Я находился в самом сердце ее, окруженный строем клиник, в центре геопатогенной зоны, где годами копились человеческие боли и страдания. Сюда никто, кроме меня, должно быть, не приходил без беды.

Ранним утром на условленной аллее все скамейки пустовали, кроме одной: в тени зеленой колоннады тополей сидел человек в плаще и шляпе, читал газету. Я сел поодаль, но, должно быть, все же помешал его уединению: едва завидев меня, отец поднялся и зашагал к выходу из парка. Я пригляделся к нему: маленький седенький благообразный человечек... И внезапно вспомнил, где видел его – тот самым старичок, который постоянно попадался на глаза моей вчерашней гостье и тем сильно раздражал ее. Когда бы не запаздывала теперь, она столкнулась бы с ним снова...

Поравнявшись незнакомец неожиданно заулыбался, приподнял шляпу в знак приветствия и подсел ко мне. Спросил:

– Девицу ожидаешь?

Я вздрогнул. Хитро сощурившись, старик рассматривал меня с нескрываемым интересом. Хотя солидный возраст позволял незваному собеседнику говорить мне «ты», его фамильярность уязвляла.

– Да, – сухо признался я, однако чуть погодя все же не удержался и спросил: – А как вы догадались?

– Она не придет. – Голос его неприятно дребезжал, будто не говорил он, а скрипел плохо смазанным механизмом. Быть может, под плащом прятал ключ, взводящий пружину?

– Вы-то откуда знаете?

– Как тут не знать... – сказал механический старик, вздевая очи к небу, что просвечивало сквозь листву. – Твоя приятельница уже вышла, как вдруг заметила пропажу телефона. Вернулась, полагая, что оставила мобильный дома, и до сих пор, должно быть, ищет. А ведь возвращаться – плохая примета. Возьми вот, отдашь ей при встрече. Скажешь: дядюшка Гарри

позаимствовал на время. И передавай привет. Уверен, она меня вспомнит – мы с ней часто виделись в этом районе, хотя и не были представлены друг другу.

С этими словами он достал из кармана плаща телефон – дамский, вычурно цветной, со стразами – и протянул мне. Я повертел аппарат в руках, заглянул в список вызовов. Последний исходящий – этим утром, на мой номер. Похоже, вещичка действительно принадлежала девчонке из крайнего подъезда.

– Вы что, карманник?

– Делать мне больше нечего! Я вот сейчас прочитаю тебе одну любопытную статейку, и сразу станет ясно, кто я, – захихикал он мелким, дробным смехом. – Ты, парень, хотя бы знаешь, что такое ОБН? Нет? Чтоб ты знал – это вовсе не отделение биологических наук, не оксидирующая натрием, не облучатель бактерицидный настенный и даже не отстойник блочный для нефти. ОБН – это отдел по борьбе с наркотиками. Ты только послушай, что тут о нем пишут.

Он развернул свою газету и прочел вслух:

– «Прокуратура направила в суд уголовное дело против всего личного состава Пантикапейского отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков». Ты бывал в Пантикапее? – оторвавшись от статьи, спросил чтец. – Нет? Напрасно! Я вот родом из тех мест. Пантикапей – чудесный город. Очень старый; название ему дали еще древние греки, переводится оно как «рыбный путь»... Эх, да что с тебя взять-то! – махнул он на меня рукой и продолжил читать: – «Собраны доказательства совершения преступлений, предусмотренных десятью, – он поднял вверх указательный палец, будто восклицательный знак поставил, – статьями Уголовного кодекса. Прикрываясь погонями и оперативной необходимостью, подозреваемые хранили, сбывали наркотики и ингредиенты, а также совершали контрабанду особо опасных наркотических веществ через государственную границу в зоне действия таможенного поста „Пантикапей“. Установлены факты получения взяток, незаконного задержания граждан и фабрикации показаний и обвинений. Причастность к совершению этих преступлений всех сотрудников Пантикапейского ОБН уже доказана». Что скажешь? – перевел он на меня пытливый взгляд. – Где же разница между преступниками и правоохранителями?

Я только пожал плечами.

Незнакомец неотрывно на меня смотрел. Маленькие, колючие глазки его, казалось, силились прожечь меня насквозь.

– Где твой приятель, парень? – вдруг спросил он совсем иным тоном – без следа старческой дряблости и прежней веселости. Я же невольно усмехнулся:

– Который?

– Сам знаешь. Тот, что сотрудничал с пантикапейскими ОБН-овцами незадолго до их ареста и, судя по всему, навел на них прокуратуру. Ведь он должен с тобой связаться вскоре, если только еще не выходил на связь. А у него ко мне должок – по его милости накрылось несколько моих партий, и, заметь, не шахматных, а партий метамфетамина. Ты так и передай ему, что я не прочь с ним побеседовать, если не хочешь, чтобы должок я спрашивал с тебя. Ведь я спрошу.

– Какой еще должок?

– Жизнь, что же еще.

Он произнес это так просто, словно я спрашивал, который час.

– Шутите?

– Кто, я? Едва ли.

– Бред какой-то. Знаете что, выясняйте отношения со своими должниками сами. Я здесь не при чем, – сказал я, решительно поднимаясь. Однако он вцепился в мой рукав и притянул обратно на скамейку. Зашептал:

– Еще как при чем! Ведь у тебя, я знаю, на этого человечка тоже зуб имеется. Вот только он – этот зуб мудрости – еще не вырос полностью. Я передал тебе информацию, а информация

для тебя теперь дороже золота, мальчик. Сроку тебе даю ровно месяц. И крутись, как знаешь. Но по истечении тридцати дней я тебя навещу, и если к тому времени наш общий знакомый не явится ко мне с повинной, то...

– То у вас длинные руки? – предположил я.

– Именно так.

– Ну, это еще нужно доказать. Как минимум доказать, что этим утром вы не сбежали из психиатрической клиники, – махнул я в сторону одного из корпусов Военно-медицинской академии.

– Доказательства моих слов тебе очень скоро будут предоставлены. Или, быть может, ты хотел, чтобы я прямо здесь, в парке, отстрелил тебе... ну, скажем, ухо? На глазах у всего родильного отделения? – качнул он головой в сторону другого корпуса. – Уже очень скоро ты убедишься, что я слов на ветер не бросаю.

– Вы что, убить меня угрожаете? – рассмеялся я в лицо ему – старому, слабосильному. Но вышло у меня скорее нервно, чем насмешливо.

Он повертел в руках шляпу, смерил меня оценивающим взглядом, будто покупал, и разве в рот не заглянул – проверить зубы.

– Ты, парень, умираешь каждый день, начиная с двенадцати лет. Но я лучше расскажу о том, как ты будешь умирать преждевременной смертью. Представь: уже на скоряке тебя интубируют, подключат к аппарату искусственной вентиляции легких. В стационаре к нему добавится увлажнитель дыхательных смесей, насосы – инфузионный и перистальтический ротационный. Аппараты станут поддерживать в тебе жизнь искусственно, даже насильно. Тело твое, что уже занесло ногу над порогом в мир иной, облепят датчиками электрокардиографа, поставят катетеры в уретру и кишечник. Ты станешь мумией – целенький, хорошо сохранившийся, но не вполне живой. Будешь исторгнут обоими мирами, станешь изгоем вдвойне: ни с живыми, ни с мертвыми – с аппаратами. Я могу гарантировать тебе такое будущее и хочу спросить: станешь ли ты в подобной ситуации препираться, как теперь со мной? Когда реаниматолог, которому ты не друг, не брат, будет держать твою жизнь в руках, как электроды дефибриллятора, и решать: тянуть тебя дальше или утопить?

Он, как удав, гипнотизировал меня. Не покупал, но ждал, когда я сам куплюсь на его болтовню. Я все смотрел, замороженный, слов не находил сказать ему, что он помешанный, и сил не находил, чтобы подняться и уйти.

– Подумай, – продолжал мой странный, страшный собеседник, – ну откуда у тебя, вчерашнего детдомовца, вдруг нашлись деньги на квартиру? Да еще в самом центре города? Когда твой потолок – это угол в общежитии, – захихикал он над собственным каламбуром. А мне вмиг стало не до смеха.

Еще на первом курсе института я нашел работу – муторную и тяжелую, но высокооплачиваемую. Вкалывал без отпусков, заживо схоронил себя в долговой яме, потеряв несколько лет жизни и личную жизнь – целиком. Поэтому теперь, ютясь на собственных квадратных метрах, но все так же в четырех стенах, я знал, какая чаша весов тяжелее – приобретения или потери. Я мог ответить на его вопрос о деньгах. Но отчего-то медлил отвечать. Как не хотел и спрашивать, откуда собеседнику известно обо мне столь многое.

– Черт побери! – воскликнул я. – Хотя бы назовите имя. Кто он, этот ваш должник?

– Я же сказал: он скоро выйдет с тобой на связь. А ты, как только встретишься с ним, свяжешься со мной. Всего и дел-то.

Говоря так, он достал из нагрудного кармана визитку и сунул ее мне. На прямоугольнике бумаги значился только номер телефона, никаких имен.

– Не беспокойся, парень, друг твой никуда не денется, ты ему нужен, очень нужен. Ты – его последняя надежда. Хотя, видит Бог, такого ненадежного, как ты, оплота для надежд свет не видывал. Смотри не потеряй, – кивнул он на визитку. – А то хуже будет. И вот еще что...

С этими словами он приблизился и зашептал мне в самое ухо – с присвистом, с придыханием, брызжа слюной, и я с омерзением отстранился, но старик снова вцепился в мой рукав и принудил выслушать речь до конца. Затем поднялся, отсалютовал мне и заковылял по аллее к зданию военно-полевой хирургии, где вскоре исчез в дверях.

Я повертел в руках визитку. Разорвал пополам, выбросил в урну и сплюнул в сердцах. В правдоподобность происшедшего не верилось. Весь эпизод был инсценирован из рук вон плохо: сквозь листву просвечивало солнце, воробьи чирикали. Ни драматической музыки за кадром, ни сгущения теней – в кадре. Непомерной казалась пропасть между жизнью, той, что видел я вокруг себя, и смертью, о которой говорил мне человек, назвавшийся именем Гарри. Я осмотрелся, прислушался. О, нет, все оставалось прежним, да не все: не таким ярким стало небо, не такими звонкими голоса прохожих, доносившиеся из-за ограды парка, не такими духовитыми запахи. В душу мою упало зерно страха, и тотчас же проклюнулось, пустило корни. Скоро прорастет, сожмет ветвями-щупальцами сердце, и станет из надпочечников, как сок, выдавливать адреналин. Без беды я пришел сюда, но на беду.

От роду видевший в собственном теле механизм, всю жизнь я ждал поломки. Ждал подвоха. И вот, наконец, дождался. Тело работало безукоризненно, однако мир вокруг меня дал сбой: сначала пришла анонимная посылка, потом начали приходиться странные люди и принесли с собой крупные неприятности.

Что знал я о наркотиках? Только названия. О метамфетамине? Ничего. Однако на стене моего дома неизвестный начертал большими буквами, какими пишут иногда признания в любви, слово «ПЕРВИТИН». Откуда-то я знал, что первитин – не что иное, как его, метамфетамина, жаргонное название.

Мобильных телефонов у меня теперь имелось два, мужской и женский. Я вытащил свой и набрал номер, стараясь сдерживать волнение, что уже выходило, как вода из берегов, из-под контроля.

– Я слушаю, – раздалось в трубке.

– Слушай-слушай! Как тебя там... физик! Узнаешь меня? Мне срочно нужно найти твоего... этого, как его...

– Зачем? – насторожился физик.

– Не ты один меня с ним перепутал.

Еще не ставшее привычным, мое лицо сделалось уликой – выдавало меня с потрохами, словно фоторобот, расклеенный на всех заборах. Ни снять его с себя, как маску, по-хорошему, ни содрать силой я не мог. Не мог вытравить его кислотой, как сжигают папиллярный узор на пальцах. Не мог смыть его, будто вину, ни водой, ни кровью, ни раскаянием. Оно служило полномочным представителем моим перед людьми, парламентаром, переводчиком – их даже пираты щадили, а вот я не пощадил бы.

Пару часов спустя мы снова собрались втроем на кухне: я, физик и девчонка из крайнего подъезда. Однако наше трио походило на союз рака, лебедя и щуки – и разговор не клеился, и план не созревал, и дело не сдвигалось с мертвой точки.

– Стало быть, ты хочешь найти Снеговского, чтобы повесить на него всех собак? – подытожил физик, когда я обрисовал ему суть дела.

– Всех или хотя бы гончих, – кивнул я. – Скажешь, где его искать?

Вместо ответа физик глубоко задумался и даже отложил подальше книгу «Алгоритмы компенсации внешних детерминированных возмущений в линейных системах».

Девчонка в разговоре не участвовала, смотрела в окно со скучающим видом, рассеянно покачивала ножкой. Еще с порога она принялась горячо извиняться за то, что не пришла на встречу, так как потеряла свой мобильный. Я, уловив момент, подложил доставшийся мне

в парке аппарат ей в сумочку. Только привет от некоего Гарри передавать не стал. Как утаил от своих новых знакомых и подозрительный диск из посылки.

Девчонка принесла с собой ветку цветущей черемухи и отказалась говорить, где умудрилась отыскать ее в июле. Порывшись у меня в шкафах, нашла пыльную вазу, отмыла, набрала воды и, любовно расправив, поставила ажурные цветы на стол передо мной. Так в старину дамы одаривали рыцарей кружевными платками. Травянистый, приторно-прелый на излете цветения запах, тяжело ступая, разошелся по комнате. Он беспокоил меня, будто смутное воспоминание. Как если бы я, упустив из виду нечто важное, шел по жизни беспечно, не подозревая, что давно должен бежать, ища спасения. Кусты черемухи, усыпанные белыми воздушными цветами, всегда вызывали в моем воображении облик умирающего с пеной на губах, как если бы я сам когда-то расставался с жизнью под пологом ее ветвей. Если зиму сравнивают с естественным угасанием человеческой жизни, думал я, черемуха могла бы стать символом смерти насильственной, так как пророчила холода в самый неожиданный, будто удар в спину, момент – поздней весной, уже близ лета.

– Пойдем-ка выйдем на балкон, покурим, – предложил физик.

– Я не курю.

– Пойдем-пойдем, – настоял он.

Девчонка запросилась было с нами, но верзила буркнул: «Сиди тут». Да так весомо, что пригвоздил ее к стулу.

Когда мы вышли на балкон, физик, притворив дверь, признался:

– Моя девушка не ушла к другому. Она умерла. Не хотел рассказывать при подруге.

От неожиданности я поперхнулся, и слова соболезнования застряли в горле.

Физик пояснил:

– Несчастный случай – упала с подъемника на горнолыжной трассе. Тогда еще все ненормальным снегом завалило, помнишь?

Я кивнул, не удосуживаясь вспоминать. Не так давно тема погодных аномалий являлась душой любого разговора, вызывала споры в самых разных средах, пожиная поголовный интерес к себе. Однако слишком скоро возвратилась к прежнему своему значению – способу завязать беседу. Но и на этом рубеже не задержалась, отступала, пока наконец не стала признаком дурного тона.

Физик между тем рассказывал:

– Привезли ее с множественными травмами вот в эту самую больницу, – не столько махнул рукой, сколько погрозил кулаком физик в сторону Военно-медицинской академии. – Там-то и началась чертовщина. Повреждения оказались настолько тяжелыми, что врачи погрузили ее в искусственную кому. Сделали несколько операций, но безрезультатно. Хирург объяснил: положение безнадежное, от аппаратов надо отключать. А еще рассказал о презумпции донорства. О том, что если обратного не потребует сам умирающий или его родственники, после смерти человек де-факто служит донором. Аппаратуру отключили, я не являлся официальным родственником, чтобы воспрепятствовать этому. Единственным близким моей девушки оказался ее дядя – двоюродный или даже троюродный. Этот тип как-то необыкновенно быстро справил похороны: то ли в закрытом гробу, то ли и вовсе – в урне. Со мной он даже говорить не стал, на порог не пустил. Явился ниоткуда, распорядился имуществом, вот этим самым, недвижимым, – физик постучал костяшками пальцев по стене дома, – и пропал в никуда. Поэтому от возлюбленной мне не осталось ни праха, чтобы его развеять, ни могилы, чтобы ее навещать.

Увы, никогда я не умел выражать сочувствие. И, слушая его рассказ, невольно вспоминал другой – слова старика из парка, пророчившего мне именно такое будущее.

– А что насчет моего двойника? – спросил я. – Его ты тоже выдумал?

– Его – нет. Она, быть может, и ушла бы к нему в самом деле, да только не успела. Теперь я вижу, как ошибся, когда принял тебя за него.

– Неужели?

– Ты ему, парень, и в подметки не годишься.

Я не знал, радоваться мне или расстраиваться от таких слов, но прямодушный физик разрешил мои сомнения:

– Тот был самого черта злей, а ты – безвольный, апатичный, будто не живой вовсе.

– И в чем же состояла чертовщина? – спросил я, чтобы скорее сменить тему. – В Военно-медицинской академии-то?

– Я запомнил фамилию хирурга, который говорил со мной. Но когда несколько дней спустя пришел в клинику, мне сообщили, что среди их персонала человека с таким именем нет. И ни суда, ни следствия. Ты понимаешь?

Я не понимал.

Физик вздохнул и принялся нудно втолковывать мне:

– Добросовестными врачами руководит биоэтика, диктуя, что с моральной точки зрения допустимо, а что нет, ни при каких условиях. В то время как недобросовестные медики не связаны ничем. Вот, почитай-ка...

Из заднего кармана брюк он вынул сложенную вчетверо страницу из журнала, зачитанную до дыр, так что бумага у меня в руках разваливалась. И я прочел с трудом:

«Вопрос о возможности добровольного ухода человека из жизни становится все более злободневным по мере того, как совершенствование технических возможностей медицины позволяет поддерживать жизнь тела при смерти мозга. Однако представляет немалую сложность недостаточное доверие к службам, обеспечивающим изъятие органов для трансплантации. Существующие механизмы контроля не могут на сегодняшний день предоставить полную гарантию отсутствия злоупотреблений, в то время как уже известны прецеденты доведения больных доноров до смерти и даже случаи изъятия органов у здоровых людей в результате искусственно навязанных врачами операций».

– И что с того? – спросил я.

– А то, что я подозреваю этого хирурга в убийстве с целью продажи органов.

– Почему?

Физик только махнул на меня, бестолкового, рукой:

– Ну, разве станет честный человек называться чужим именем? – резонно, хотя и риторически, спросил он.

Оказалось, что настырный физик прочесал весь город в поисках подозреваемого: воспользовавшись телефонной базой, он проверил всех однофамильцев лжехирурга и, не найдя среди них нужного, утвердился в подозрениях о его бесчестности.

– Так что теперь мы с тобой – друзья по несчастью, – сказал доморощенный сыщик. – Каждому из нас необходимо найти некоего человека, запятнавшего себя противозаконными действиями (или только тем, что заподозрен в таковых). Первый – упомянутый мною хирург, второй – должник твоего сегодняшнего знакомого из парка. Вывод очевиден: эти двое – один и тот же человек.

Я усомнился в очевидности вывода. Физик принялся загибать пальцы:

– Во-первых, они оба как-то связаны с Военно-медицинской академией, недаром ведь твой Гарри обретается на ее территории. Во-вторых, в обеих историях замешан Снеговской. В-третьих, сам посудите: где хирургия, там непременно и анестезия, а где анестезия – там и наркота. Где наркота – там и наркоторговля. И потом, военная медицина... от самого словосочетания пахнет не только порохом, но и убийством, ты не находишь?

– Логика железная, – съязвил я.

– Ты зря смеешься. Посмотрю, как ты заговоришь, когда здесь станет жарко.

– Ничего, отыщем Снеговского, припьем его к стенке (тебе не привыкать) и решим проблему. Ты ведь знаешь, где он?

– Знал. Когда ушел от тебя вчера, напрямик поехал по адресу...

– И что?

– Его там нет. Сгинул.

– Черт...

С досады я сплюнул, перегнувшись через перила. Из-под балкона уходила вниз стена многоэтажного дома, словно отвесный обрыв, у подножия которого разливалось море машин. Мой приятель оказался прав: здесь уже припекало.

– Есть у меня одна зацепка. – Физик запустил пятерню в спутанные волосы. – Но есть ли у тебя деньги?

– Смотри, в каких пределах. На поддержку отечественной науки, сразу предупреждаю, нет.

Верзила ухом не повел, поскреб заросший подбородок. Едва ли он отращивал бороду сознательно, скорее – по рассеянности забывал бриться.

– Я полечу на родину Снеговского, в Новохоломгоры... – сказал он.

Я усмехнулся:

– Они там что, определиться не могут, холмы у них или горы?

– ...а ты, тем временем, – не обращая на меня внимания, продолжал физик, – будешь встречаться с его однофамильцами, координаты которых я тебе дам.

– Хочешь, чтобы я повторил твой подвиг? Зачем? Ведь их, должно быть, сотни в городе!

– Всего одиннадцать человек. Мне повезло меньше: однофамильцев мнимого хирурга обнаружилось шестьдесят семь. Может быть, кто-то из них тебя узнает... То есть узнает в тебе Снеговского. Шансы невелики, но удостовериться необходимо. И еще... – Он понизил голос: – Ты будешь воровать у них зубные щетки.

Повисло молчание. Физик улыбался, довольный, а я раздумывал: кто именно из нас двоих сошел с ума. Так и не определившись, осторожно спросил:

– Зачем?

Физик шлепнул меня по плечу своей тяжелой лапой:

– Так надо, парень. Проверим родство. Если у него здесь родственники, припьем к стенке их, авось расколются. Или у тебя есть предложения получше?

Предложений не нашлось.

Оказалось, зубные щетки моему приятелю понадобились, чтобы сделать ДНК-анализ.

– Однажды я под благовидным предлогом побывал в гостях у Снеговского, так что его образцы у меня имеются.

Стало быть, не только у меня верзила гостил без спроса.

– Но ведь обыкновенно люди моют щетки после использования... – усомнился я.

– Скажешь тоже! С мылом, может быть? – хохотнул физик. – Материала для теста требуется очень мало. Всего нескольких разрушенных клеток слизистой рта или слюны хватит с избытком. В случае чего, подойдет и сигаретный окурочок или волосы. Можно собрать перхоть или найти использованную туалетную бумагу...

– Согласен на зубные щетки! – Ощувив, как голова у меня наливается тяжестью, словно ее уже наштапиговали свинцом, я поспешил согласиться на меньшее из зол.

– Вот и отлично. Я покамест заберу твою, чтобы сравнить тебя с оригиналом вне очереди.

– Ты что же, сам будешь делать анализ? Ты же физик...

– Неужели ты думаешь, что у хорошего физика не отыщется друг биохимик? – подмигнул он. – Я дам тебе адрес почтового отделения, отправишь мне добытые щетки до востребования, предварительно герметично упаковав их в полиэтилен...

– А почта для чего? – вновь заартачился я.

– Тебе угрожали телесной расправой, не так ли? Случись что, не хочу оказаться замеченным в связях с тобой. Пойми, так надо.

На сей раз, я увернулся от его ручки. Понял: физик не наигрался в детективов, когда был ребенком.

– Сверим часы! – потребовал он напоследок.

Сам физик часов не носил, поэтому сверил все мои часы – наручные, настенные и будильник – с данными службы точного времени. Они разошлись во мнениях ровно на час. Мои, отстававшие, оказались в большинстве, но это им не помогло – физик перевел их все на час вперед.

– Парень, страна перешла на летнее время три месяца назад, – удивлялся он, исправляя несоответствие. – Ты что, забыл перевести часы?

Я мог забыть, с меня бы случилось. Но если до сих пор мой дом служил оплотом зимы, то как я умудрился не заметить этого? Как приходил на встречи, на работу – не опаздывая? Жил, как во сне, должно быть... В страшном сне, которого теперь не помнил.

Физик залез в мой ноутбук, поколдовал над ним и вывел список предстоящих мне визитов. Изучив его, я обнаружил с облегчением, что Снеговские жили семьями. И лишь одна старушка дореволюционного года рождения обитала в пригороде. Таким образом, число адресов, которые мне предстояло посетить, сократилось до пяти. Я предлагал сбросить ископаемую даму со счетов, однако физик оказался непреклонен, и я сдался.

– Значит, пришла моя очередь быть Иваном-царевичем? – спросил я. – Идти туда, не знаю, куда, искать то, не знаю, что?

– Скорее уж Иваном-дураком, – неостроумно откликнулся физик.

Он посоветовал мне проникать в чужие квартиры под видом сантехника. Я возразил, что врать не умею, актерским талантом не обладаю и от стыда умру, воплощая в жизнь его сценарий.

– Смерть от стыда лучше, чем дырка от пули во лбу, – заявил он, и трудно было с ним не согласиться.

Но сколько бы трагизма ни вкладывал физик в свой тон, как бы ни округлял глаза, мне не удавалось до конца прочувствовать нависшую угрозу. Между опасностью и мной стояла белесая пелена равнодушия, как дымка от далекого торфяного пожара.

Простившись с гостями, я порывлся в старых вещах и не без труда откопал комбинезон, в котором студентом подрабатывал на стройке. Из инструментов у меня нашлись отвертки, молоток и пара гаечных ключей (гвозди я брать в расчет не стал). Только слепой поверил бы, что они могут принадлежать сантехнику, но я все-таки распахнул их по карманам для пущей весомости. Черноволосый, в таком наряде я походил на южанина-нелегала, приехавшего на заработки, поэтому сунул во внутренний карман куртки паспорт и военный билет с вердиктом «не годен». Выкатил на улицу старый велосипед.

Шел только второй день отпуска, а мой отдых обещал быть активным. Чтобы не скучать дорогой, я прихватил плеер и продолжил слушать рассказ безымянной женщины. «Я замерла перед окном, будто замерзла», – сказала та, и я позавидовал ледяному покою, царившему в ее жизни.

Из одной квартиры, принадлежавшей Снеговским, я был с позором изгнан, и хорошо еще, что не избит. Однако жильцы прочих оказались легковерны. Обманув их доверие чудовищным образом, я выкрал в общей сложности семь зубных щеток и отправил их физику. Пришлось отстоять на почте целый час, но к вечеру я воспрянул духом, так как всех живущих в городе псевдо-однофамильцев своих обойти успел, и мне осталось посетить только старушку в пригороде. На встречу с ней я выделил первую половину грядущего дня и уже предвкушал скорое избавление.

Велопробег мой мог сравниться с гонкой Тур де Франс. Кроме того, я попал под дождь и до нитки вымок. Сил не осталось, и возвращаясь я чувствовал одну-единственную – силу притяжения кровати. Но возле дома меня ждал сюрприз.

– Ты перепутала подъезды? – спросил я, соскочив с велосипеда, у девчонки.

На сей раз та пришла одна, без физика. И соврала безбожно:

– Я случайно проходила мимо!

Хотя заметно было, что она стояла здесь давно, словно дежурила. Но улыбалась так невинно, что я раздумал уличать ее во лжи. Только подметил:

– Что-то гости ко мне зачастили. Может, скоро очереди начнут выстраиваться, как к мавзолею?

– Если только прежде тебя мумифицируют в квартире, – рассмеялась девчонка.

Она предложила мне вечернюю прогулку взамен несостоявшегося утреннего променада. Я, нагулявшийся за день по чужим домам на неделю вперед, пробовал отказаться, но девушка буквально вешалась на шею, уговаривая меня. Тащить ее по лестнице вместе с велосипедом я бы теперь не смог и вынужденно согласился. Своевольная, упрямая, даже зайти в квартиру не дала, и пришлось оставить велосипед в подъезде.

Мы пошли вдоль дома, ноги у меня не слушались, казалось, все еще крутили по инерции педали. Свет заходящего солнца горел в воздухе вкраплениями тусклого золота недолго, погас в одно мгновение. И тут же засеменял слепой дождь.

– Не дай Бог, еще снег повалит, – поморщилась девчонка, глядя в небо: то ли снег высматривая, то ли Бога. – Пойдем ко мне.

И я, вовремя не нашедший аргументов, чтобы отказаться, очутился у нее в гостях.

Квартира ее показалась мне одноразовой, как гостиничный номер: в ней имелось все необходимое, но всего – по минимуму. Чем дальше я рассматривал кухню, тем больше та представлялась мне декорацией для рекламного ролика: идеальная чистота, все вещи, вплоть до ситечка в раковине, новые. Продуктов в холодильнике – ровно столько, чтобы хватило один раз поесть.

Девчонка болтала, я молчал, жевал и поглядывал в телевизор, работавший фоном за ее спиной. На экране разворачивалось журналистское расследование деятельности столичного Центра экстремальной медицины. Голос за кадром утверждал: работа в Центре велась с бойцами бывшего «Вымпела», которые при Советах повергали в ужас боевиков всего мира, а после 1993 года оказались в составе службы безопасности президента. Даже при идентичной физической и психологической подготовке, как сообщал журналист, восемнадцать-двадцать процентов сотрудников спецназа, по статистике, выполнить конкретное задание не могут. Психологи КГБ, научившись выявлять таких людей, получили возможность отстранять их от дальнейшей работы и практически свести на нет число смертей при выполнении операций. Но специалисты Центра экстремальной медицины пошли гораздо дальше. Способности человека стали продуктом прикладной науки: посредством секретных методик повышения боеспособности психологи КГБ доводили вымпеловцев до неестественного совершенства. Однако вся информация о методах тренировок была похоронена после того, как в 2003 году Центр экстремальной медицины оказался расформирован по неустановленным причинам.

Начался рекламный блок, и я утратил интерес к телевизору.

Когда ужин подошел к концу, хозяйка пригласила меня в гостиную, где на журнальном столике стояла ваза с фруктами и бутылка вина. Залезла на диван с ногами, я – скромно сел рядом. Сказал, чтобы не молчать:

– Давно ты знаешь физика?

– Угу. И я догадываюсь, почему он порывался тебя побить, – ответила она и схрумкала виноградку.

– Да ну?

– Сегодня слышала по радио, что от прикосновений других людей у человека вырабатывается гормон доверия – вазопрессин. Но не в объятия же было заключать тебя при первой встрече. А так – какой-никакой тактильный контакт имел место.

– Да он просто хотел проломить мне башку. А вместо того теперь я сам ломаю голову над чужими тайнами.

– Ты прав, одной драки тут мало. Чтобы по-настоящему втереться в доверие, стоило подослать к тебе диверсанта посимпатичнее. Такого, как я, например...

С этими словами она приблизилась ко мне всем телом, поцеловала в шею, прикоснулась губами к моим губам, обвила руками, привлекая к себе, и лишь тогда я, опомнившись, вскочил с дивана и стянул ее с себя вместе с минутным мороком.

– Не опрометчиво ли с твоей стороны заводить роман с тем, кому жить осталось, вполне вероятно, месяц?

Я произнес эти слова со скорбной интонацией обреченного, но я лукавил: поверить в собственную смертность было невозможно. Не оставляла надежда, что в решающий миг вместо обещанной мне скорой смерти появится скорая помощь.

– Да какой там роман! – рассмеялась девчонка. – Самое большее, новеллу.

– Ну нет... Я к тебе отношусь, как к младшей сестре, что ли...

– Угу, – задумалась она. – Ты всех записываешь в сестры, кому отказать стесняешься? Большая у тебя уже семья? – она говорила не зло, без издевки – тем тоном, каким спрашивают пациентов, составляя анамнез. Но пытала меня добрых полчаса. Я мямлил, уворачивался от ее прямого взгляда, уходил от ответа и наконец вырвался на свободу.

Пока шел от одного подъезда до другого, мечтал все бросить и рвануть куда-нибудь на юг. И завести там множество курортных романов сразу. На деле же всерьез забеспокоился, не вызвало ли то бесчувствие, что я взрастил в себе, переживая утрату, полную нечувствительность тела? Я понимал: если удариться с головой в роман, можно забыть о многом. Но знал и то, что не бывает женщины без предысторий и последствий. Любая начнет искать во мне опору – и не дай бог, если не найдет. Меня же станет проклипать. Однако надо мной и так нависли если не проклятия, то грозные тучи. Мог ли я защитить кого-то, если по воле некоего Гарри мне, вполне вероятно, предстояло сделаться пособником убийства?

Проводив досадного гостя, девушка переоделась, уложила свои немногочисленные вещи в маленький, почти игрушечный чемоданчик и покинула арендованную квартиру. Недолго исполнявшая роль хозяйки, она вышла из дома, села в машину. Достала телефон, потерянный сегодня утром и обнаружившийся там, куда аппарат никак не мог попасть без посторонней помощи. Но спохватилась, вытатила зеркальце и прежде чем звонить, внимательно осмотрела себя, поправила прическу, убедилась в собственной неотразимости, с тем чтобы самый голос ее выдавал то, как ослепительно она сегодня выглядит, чтобы даже в интонациях легко читались все детали: и глубокий вырез, и высокий разрез.

Отложив зеркальце, набрала номер мужчины, которого называла Бат, приберегая настоящее имя для другой, более интимной обстановки. Разница в возрасте между ними позволяла ей чувствовать себя с ним на равных (его достоинством являлась зрелость, ее преимуществом – молодость) и открыто флиртовать. Этого мужчину она видела только однажды, но воображение расцветило сохранившийся в памяти образ столь яркими красками, что рядом с ним уже окончательно померк и выцвел штамп регистрации брака в ее паспорте.

– Здравствуйте, Бат! – сказала она в трубку. – Вы будете смеяться, но, похоже, у вашего юного протеже аверсия...

И собиралась говорить еще о многом, но молчание собеседника, ставшее ответом, прозвучало для нее оскорбительнее любой грубости, а после того и вовсе звук коротких гудков

резанул по уху, как пощечина. Сквозь искусственную белизну ее лица проступил багровый румянец стыда и злости, как будто муж застал ее за соблазнением другого. И не смеха ради, как пару часов назад с мальчишкой, но всерьез – с противником опасным и по всем статьям превосходящим законного супруга. Опасным, даже несмотря на то, что Бат оставался единственным мужчиной в ее окружении, который не обращал на соблазнительницу ни малейшего внимания. Именно из-за этого – опасным вдвойне.

Глава 5. ОНА (2 июня) СЕДАЦИЯ

Вызванное лекарственными препаратами подавление сознания, обеспечивающее успокоительный или, при увеличении дозы, снотворный эффект.

Я замерла перед окном, будто замерзла. Весь белый, мегаполис оказался скован, словно небо наложило гипс на улицы, а на любое движение – вето. И только снег сыпался. Мела пурга, неся смятение и смуту. Выл ветер – грозил волнениями. Надвигался буран – будоражил умы. Легко одетые прохожие утопали в снежных заносах, автомобили буксовали в сугробах и намертво застревали в пробках. Беспорядок и безначалие охватили город. Нет, не могла зима переизбраться на второй срок – то грянул бунт, переворот.

– Не ты ли, случаем, испортила погоду? – спросил Игорь.

Только сегодня прилетевший с юга, он сидел в кресле, по-стариковски кутаясь в плед, и прихлебывал горячий чай. С каждым глотком стекла его очков запотевали, а казалось, будто покрывались инеем.

Игорь был моим дядей – то ли двоюродным, то ли троюродным. От прежней семьи нас только двое и осталось. Игорь дал мне крышу над головой, помог деньгами и устроил на работу. Сам перебрался поужнее, как говорил – греть старые кости. Но часто приезжал меня проводить, стал мне другом, несмотря на приличную разницу в возрасте, и я доверяла ему безгранично, так что сомневалась иногда, кто говорит его устами: мой родственник или внутренний голос.

– У тебя здесь что, наркопритон? – сердился Игорь, вилкой извлекая из сахарницы окаменевший сахар с упорством кладоискателя. – Если исчезают ложки – верная примета, что в доме завелся наркоман!

– Может, домовой?

В квартире и вправду творилась чертовщина: сколько бы ложек я ни покупала, постепенно все они бесследно исчезали.

– Домовой? – ворчал Игорь. – А может быть, еще домушник? Какого сброда ты сюда напустила?

В этот раз северный город встретил Игоря на редкость холодно. Давно остыли батареи, окна стояли расклеенными, сквозило из щелей, так что мой гость петушился и ежился одновременно:

– Да за такое дело, – говорил он с вызовом, указывая за окно, на улицу, – в прежние времена тебя живехонько сожгли бы на костре! То есть и заживо, и быстро.

Он был необычайно прозорлив, хотя заглядывал теперь не в будущее, а в средневековье. Чучело зимы сгорело давно, еще на масленицу. Может, я стояла следующей в очереди на костер?

– На что мне ворожба, Игорь? Прошлогодним снегом сыт не будешь.

– А ты спроси сейчас любого, и он скажет, что уже сыт по горло.

Пушистый, мягкий, влажный, тяжелый, мокрый, настовый, с надувами, утопанный, жесткий, леденистый, разбитый и целинный – казалось, за один день город повидал все существующие виды снега. А тот все шел и шел, не замедляя шага, обездвигил улицы и усыпил дома под белым одеялом. И я задумалась всерьез: не моих ли рук это мокрое дело? Самое время было покаяться.

– Игорь, у меня есть враг, – повинулась я.

– Ну, так убей его, – хохотнул изувер. – Похоже, в небе появилось божество, которое потворствует твоим желанием. Настал срок приносить ему кровавые человеческие жертвы.

– Ну ты хватил! А если ты мне разонравишься, что делать? Подмешать тебе в еду крысиный яд?

– А почему бы нет? Попробуй. Но учти, я очень бдителен. Придется выдумать злодейство похитрее.

Нет, Игорь не отпускал грехи, он подбивал на преступления. Не исповедник – инквизитор.

– Он ведь волшебный, да? – спросил изверг. И рассмеялся, чуя свою правоту. – Он враг, но сказочный. Такой, что начинаешь ревновать его к другим: страшней всего та мысль, что не в твоей войне он будет побежден и не к твоим ногам падет, не тебе сдастся в плен. Не многим в жизни выпадает счастье обрести достойного противника. Особенно теперь, когда погребены во тьме столетий идеалы рыцарства. С ними покончил еще Генрих V, король Англии, в битве при Озенкуре, впервые вероломно казнивший пленных рыцарей. Он показал другим пример: нельзя миндальничать с врагами, всех их надо убивать. Желательно, с контрольной пулей в лоб.

Игорь потешался надо мной, но слишком благодатной оказалась почва, на которую ронял он зерна своих слов. И у меня перед глазами расцветало зрелище, воистину прекрасное: яркая кровь, что растекается по снегу и растапливает его до черной, как некроз, сырой земли, прожигает снег, как огонь – бумагу. Красивой смерти – вот чего недоставало моему врагу, проводившему дни в попытках создать шедевр искусства, чтобы стать шедевром самому.

Должно быть, Игорь прочитал это в моих глазах. И поспешил сменить поэтику средних веков на прозу жизни:

– Тебе нужно увидеть, – заговорщицки понизил голос он, – как от боли и панического страха смерти твой чудесный недруг скорчится в слезах, в соплях и потеряет весь свой шарм. Здесь пригодился бы слезоточивый газ – этот и слезы вышибет, и землю из-под ног. Но лучше бы твой неприятель умер как-нибудь нелепо. Например, захлебнулся с перепоя рвотными массами во сне.

– Игорь, как у тебя язык не устает нести такую ересь?

– Язык – самая сильная мышца. Я могу ворочать им глыбы слов. А ересь – это по твоей части. Ты у нас сегодня ведьма. Вот и сведи своего недруга в могилу – колдовством там... или зельями.

– Я не могу убить его, Игорь, – призналась я. И трижды в трех словах запнулась: – Я люблю его.

– Черт!

Брань прорвалась сквозь сон, и Снеговской проснулся от кошмара. Долго лежал и слушал, как сердце стучит в закрытую дверь грудной клетки. От взгляда на спящую рядом любовницу стало завидно: либо нервы у той были крепче, либо сны – приятнее.

Он встал, оделся кое-как, вышел на кухню. Удивился, что мысль о спасительной сигарете так запоздала, и закурил. Но никотин не успокаивал.

Снеговской знал: многие мужчины не выдерживают зрелища родов и падают в обморок... Но не во сне же.

– Черт, – выругался он снова.

Чертыхался Снеговской легко и с охотой, хотя ни в Бога, ни в оппонента его не верил. Иначе бы теперь молился, чтобы и на сей раз ему удалось избежать участи случайного отцовства. А так – лишь проклинал свою вчерашнюю неосмотрительность.

С кем бы он ни делил постель, Снеговской всегда жил один. Хотя учился на художника, считал, что всякую гармонию должно поверить алгеброй, а истину – физикой. Мир представ-

лялся ему механизмом, собственная жизнь – программой, в которой случайные обрывки кода назывались чувствами. По большей мере чувства те оказывались неприятными.

Нынешней ночью Снеговскому приснился ребенок – новорожденный, сморщенный, синий. Не человек – орущий кусок мяса. Мать Снеговского умерла давно, так что даже светлая память о ней померкла, и ему чудилось теперь, что женщина из сна, возненавидевшая младенца еще в утробе, именно его мать и есть.

Когда он полез в сумочку любовницы за новой пачкой сигарет и обнаружил там початую упаковку таблеток, понял, что может спать спокойно, что в его постели не заведется третий – лишний. Вдохнул с облегчением. Но вскоре ощутил, что самолюбие его задето. Выходило: сожительница бережется от него, словно от вируса, и вверяет себя фармацевтике. Минутная радость сменилась досадой, и, хлопнув дверью посильнее, чтобы разбудить девушку, Снеговской покинул дом – ее, не свой.

Родившийся далеко на севере, на границе с Заполярьем, он приехал в этот мегаполис в поисках легкой наживы – город по праву считался исполинским денежным мешком. Но был и каменным мешком, войдя в который, легко можно было в нем пропасть навечно.

Хотя весна уже сменилась летом, воздух оставался холоден. Однако любимая киноактриса Снеговского, темноволосая знойная красавица, обдавала его жарким взглядом со всех рекламных плакатов, и настроение у молодого человека поднялось, как стрелка тахометра, на добрую тысячу оборотов. Видимо, потому, что никогда он не был джентльменом, Снеговской всегда предпочитал брюнеток.

День складывался удачно, только недоброе послевкусие сна, постепенно ставшее похожим на дурное предчувствие, не покидало его.

Проходя мимо книжного ларька у метро, Снеговской, подавив отвращение, взял с полки сонник в мягкой обложке, полистал страницы и нашел раздел с заглавием «Ребенок». В вещи сны он не верил. Но кошмары отрицать не мог.

«Младенец во сне – к большому удивлению; нагой – к беде, – сообщал Снеговскому толковый словарь снов. – Видеть во сне плачущего ребенка означает подвергать опасности свое будущее».

За миг до того, как он в раздражении захлопнул книгу, взгляд Снеговского упал на заголовок «Реципиент». Молодой человек подивился от души, кому могло такое диво сниться и что предвещал подобный сон. Но времени поинтересоваться не нашлось, а вот злоключения множились: любовница позвонила и неожиданно дала ему отставку без объяснения причины. Отключила вызов, а затем и телефон, лишив обвиняемого права на последнее слово и апелляцию.

Злой, как черт, которого он слишком часто поминал, низложенный герой-любовник возвратился в свою постылую комнату в общежитии. Пытаясь заглушить гнев и растущую тревогу, проглотил двойную дозу валиума, упал на панцирную кровать, провисавшую до пола, и стал ждать беспомощности.

Но сновидение явилось прежде, чем он успел заснуть: лежа на спине, Снеговской видел, как с небес посыпался невероятный, невозможный снег. Он попытался встать и подойти к окну, но тело не послушалось. На грани сна и яви запиликал телефон. «*Vy priblizilis' k porogu otklyuchenija*, – с трудом разобрал Снеговской слова на мутном дисплее, – *ot apparatov iskusstvennogo zhizneobespecheniya...*» Не дочитав сообщение, он провалился в забытие, а телефон, выпавший из его руки, ударился об пол и разлетелся на части, звякнув в предсмертной конвульсии.

Пальцы его бегали по клавишам, глаза – по экрану, а мысль блуждала по просторам всемирной сети.

«Мужское имя. В переводе с латинского означает „молот“, – прочитал Гарри. Мельком просмотрел остальной текст, с довольством пробормотал: «Узнаю тебя, друг мой!» И удостоил вниманием только последнюю строку. «Для союза подходят: Галина, Екатерина, Мария, Анна», – гласила та.

Гарри никогда не верил в подобные предопределения. Однако теперь, когда все стояло на кону, он не хотел ничем пренебрегать. И потирая от нетерпения руки, бормотал себе под нос: «Ну-с, теперь-то, голуби мои, вы никуда не денетесь. Раз даже звезды так удачно встали, я позабочусь, чтобы вы встречались часто, очень часто!»

Глава 6. ОН (5 июня) РЕПАТРИАЦИЯ

Возвращение на родину военнопленных, перемещенных лиц, беженцев, эмигрантов. А также транспортировка пострадавшего или больного специализированным транспортом до медицинского учреждения или места жительства.

Рассудив, что я не краб, передвигающийся боком, я предпочел сноуборду горные лыжи. Такого зрелища обитатели курорта не видели давно: не падал я, только пока лежал. Тело не слушалось, как будто в одночасье стало мне чужим, не по мерке сшитым. Ноги разъезжались, угрожая посадить на шпагат. Руки бестолково молотили воздух. Лыжи на ровном месте ускользали, палки служили не опорой – помехой. Снова и снова я заваливался и падал, набивая синяки, царапая до крови руки в обледенелом снегу.

За этим-то учением, в котором приходилось тяжелее, чем в бою, меня застал хозяин. Он вышел на склон в царственном облачении: упрященный в дорогой мех и кожу – разве что перстней поверх перчаток не доставало, и с сигарой в зубах. Вылитый американский капиталист, сошедший с карикатур начала двадцатого века, владелец курорта выглядел столь же комично. Увидев меня, барахтавшегося в снегу, он крикнул, усмехаясь:

– Молодой человек, какой черт занес вас на эти галеры?

С трудом поднявшись, я отстегнул лыжи, подковылял к нему в тяжелых ботинках. И без того бывший ходячим шаржем, хозяин продолжил рисоваться и представился мне именем Гарри. Пригласил в свой кабинет, обставленный, словно трофейный зал в средневековом замке: имелись здесь и шпалеры, и чучела, и коллекционное оружие. Волгин успел рассказать мне, что, по слухам, при Советах Гарри руководил некой образовательной программой КГБ и выкачал немало денег в собственный карман, чтобы теперь комфортно чувствовать себя на старости лет в условиях развитого капитализма.

Мы поговорили о погоде, о моих спортивных достижениях, о том, по вкусу ли пришелся мне курорт, и я не постеснялся поделиться впечатлениями о плохой дороге. Но Гарри отчего-то и слушать не захотел: «Кому надо, тот доедет», – отрезал он. Я робко возразил: «Так это ведь курорт, а не последнее пристанище». «Как знать, как знать... Пока что люди не торопятся уезжать отсюда», – пробормотал хозяин. И рассмеялся от души, как человек, который много знает, но не говорит.

Гарри предлагал и мне остаться здесь на приличный срок. Но выдвинул условие: не покидать курорт на протяжении всего времени работы. На странность требования я решил закрыть глаза. В конце концов, за очень хорошие деньги от меня требовалась совершенно непыльная работа. «Если и будет здесь какая-нибудь пыль, то снежная», – сказал мне Гарри на прощание и подмигнул. Приступить к выполнению обязанностей мне предстояло через пару дней, а до тех пор я мог жить здесь на правах гостя, и едва ли не почетного.

Выйдя из кабинета, в коридоре я замешкался, рассматривая фотографии знаменитых горнолыжников-олимпийцев. Они казались мне богами, хотя гораздо чаще тех спускались с заоблачных высот. Вдохновленный увиденным, я собрался вернуться на склон и продолжить свои тренировки, как вдруг услышал из-за приоткрытой двери голос Гарри, говорившего по телефону. «Ну и что вы мне подсунули? – в ярости кричал тот, еще минуту назад бывший со мной любезным, чуть ли не ласковым. – Очередную выбраковку!» Я поспешил ретироваться, не завидуя тому, над чьей головой разразилась буря. И оставалось лишь гадать, что» оказалось браком, так разгневавшим хозяина – новый ратрак или холодильная установка.

За короткий зимний день устав мертвецки, вечером я доплелся на негнущихся ногах до своего коттеджа и свалился на постель. Но пролежал недолго – вскоре в дверь постучали, и на пороге я увидел Анечку. В одной руке она держала термос, а в другой – две кружки. Ее приходу я обрадовался несказанно. Когда же выяснил, что в термосе глинтвейн – возликовал.

Заметив, что я ковыляю по комнате уткой, она рассмеялась, но спешила утешить меня:

– Неудивительно, когда впервые надеваешь горнолыжные ботинки – килограмма по четыре каждый, то и ногу от земли не сразу удастся оторвать. Но, как и космонавты в скафандрах, горнолыжники при полном снаряжении не ходят по земле – они летают по воздуху.

– Едва ли я скоро взлечу. Мне то ли быстроты реакций недостает, то ли реактивного топлива.

Я разлил глинтвейн по кружкам. Она включила электрический камин, неотличимый с двух шагов от настоящего, и присела на краешек кровати подле меня.

Я не был еще вхож во все курортные кулуары, но успел заметить, что вокруг этой юной особы здесь ходили самые противоречивые слухи. Анечка не работала, жила в поселке на правах хозяйки, но никто не знал, кем именно она приходится хозяину, поэтому одни предполагали дальнее родство, а другие – близкие сношения. Мне не хотелось верить грязным сплетням здесь, где землю устилал кристальной белизны снежный покров. Особенно теперь, когда я видел Анечку, и одним взглядом она согревала меня лучше, чем камин, глинтвейн и термобелье вместе взятые. И говорила мелодично, будто колыбельную мне пела, хотя рассказывала о суровом и опасном виде спорта:

– Ты, главное, прочувствуй движение: ноги всегда согнуты в голеностопном суставе, и тело наклонено вперед, словно ты вот-вот упадешь. На деле же ты не падаешь, а летишь – настолько по краю земли, что почти по небу. В полете такая скорость, что любое падение очень похоже на смерть, а каждый миг – будто последний, и оттого невыразимо прекрасен. Так может быть прекрасна жизнь лишь после чудесного избавления от смерти.

Она все говорила, я смотрел на нее, и совсем не от глинтвейна у меня кружилась голова, и все плыло в глазах от опьянения, отнюдь не алкогольного. Я сделал вид, что потянулся к столу, чтобы налить себе еще, но вместо этого поцеловал ее.

Она вскочила, как обжегшись, и вlepила мне пощечину.

Потом я долго – то неистово, то нежно – уговаривал ее не уходить, простить мне минутную слабость, но девушка не слушала мои мольбы, неодобрительно качала головой и ускользнула все-таки, ушла.

Оставшийся один, я снова рухнул на кровать, еще недавно представлявшую мне уютной, а ныне ставшую постылой. Но был доволен. И полон предвкушения того, что непременно завершу начатое и наверстаю упущенное. Любой лед можно растопить, в этом я не сомневался.

Когда ехал сюда, думал, что умру от скуки. Даже бильярд, боулинг и тир, которыми в своей рекламе хвастался курорт, не прельщали меня. Но теперь поселок уже не казался мне холодным после теплого приема, горячих расспросов, огненного алкоголя, моих пламенных взглядов на Анечку, опаляющего поцелуя, пылкого признания, собственного жаркого смущения, и грядущего накала страстей.

Должно быть, оттого, что слишком распалился, я уснуть не смог. Поворочавшись в постели, оделся и вышел на улицу остыть. Меня встретила мертвая тишина зимней ночи. Скрип снега под ногами не способен был ее нарушить, как не могло мое дыхание согреть морозный воздух. Постояв немного на крыльце, я уже собирался возвратиться в дом, когда внезапно, громоподобный в тишине, загудел генератор и пришел в движение центральный подъемник. Едва ли кто-то из обитателей курорта решил покататься на лыжах ночью: в свете одних только звезд, без мощных прожекторов, трасса становилась непреодолимой. Подгоняемый любопытством, я решил узнать, в чем дело.

Возле подъемника не оказалось ни души, его сиденья вхолостую проносились мимо меня, разворачивались над площадкой и отправлялись вниз. Я уже хотел идти будить Волгина, когда внимание мое привлекла маленькая темная фигура на склоне. И я нутром почувствовал, что дело с ней неладно.

Сначала я только шел – спускался аккуратно, глядя под ноги, чтобы не поскользнуться. Когда же расстояние порядком сократилось – бросился бежать, не разбирая дороги. Впереди на снегу неподвижно распростерся человек. Лежал, как не лежат живые.

В отдалении заревел снегоход: кто-то, разбуженный, спускался следом. Я уже не бежал – катился кубарем по снегу, летел, сломя голову, вздымая в воздух снежную взвесь. Я узнал ее. И догадался, что с такими повреждениями не живут. Она еще была в сознании, но не кричала и не плакала. В неверном свете звезд мне даже померещилась улыбка на ее лице. Она что-то шептала, тяжело дыша, я наклонился к ней, боясь случайно прикоснуться, и услышал:

– Они... Они заставили меня. Внушили, что должна с собой покончить... Я не сумасшедшая. Здесь вовсе не курорт... Они похищают людей... Они ведь и тебя похитили. Они меня убили... И тебя убьют.

Внезапно чьи-то руки схватили меня и отшвырнули прочь, вокруг ее тела столпились люди, и мне показалось, что их слишком много, или же от слез в глазах у меня все двоилось. Наперебой кричали, невозможно было разобрать что-либо. Я и сам кричал и рвался к ней, но кто-то необыкновенно сильный волоком тащил меня прочь, к снегоходу.

Когда Константин Лунный вышел из дому, он пожалел, что так легко оделся, не по погоде, но тут же упрекнул себя за малодушие. В сумерках ниже опускалось серое, металлического блеска, небо. Воздух, набухший от воды, потяжелел. Дома жались к земле, теснили друг друга, цеплялись за склоны. Сначала шквальный ветер сдул с улиц приморского города туристов, непоседливых, как перекаати-поле, а потом и вросших в землю старожилов вынудил попрятаться. Надвигался шторм, и уже ползла из щербатой пасти горы Святого Петра исполинская черная туча.

Лунный спускался к морю по крутым улицам-лестницам Алубики. Вскоре, хрустя гравием, легли ему под ноги дорожки городского парка. Он шел по знакомым аллеям, еще вчера солнечным и людным, где давеча стояли сувенирные лотки, а нынче ни души не осталось. Ветер уже бросал в лицо первые мелкие капли дождя, просеянного сквозь сито ветвей. И в тишине отчетливо слышался страшный, нарастающий гул моря. Там, внизу, волны ходили ходуном, и огромные валуны ворочались с боку на бок.

Деревья расступились, Лунный вышел на площадку, откуда ступени вели к воде. Здесь ветер дул в полную силу и в другой раз повалил бы гуляку с ног. Внизу волны бросались на обломки скал, сорвавшиеся в море сотни лет назад. Измочалившись в пену, сползали обратно, черные от злобы, собирались с силами, хотели взять береговые укрепления не приступом, так измором, не мытьем, так катаньем.

Пляжи пустовали. Лунный знал, что к здешним берегам часто приходит горбатый шторм, и тогда верная гибель – оказаться в воде: волны горбатого шторма тянут человека в открытое море. Однако Лунный сам стремился прочь от берега – к другому, далекому, где его ждал город-тезка, Константинополь.

Отполированные миллионами подошв ступени выскальзывали из-под ног, торопили его, пока, сумасброд, он спускался к пустому пляжу. Вскоре их сменила вертлявая галька, вся в водорослях и медузах, выброшенных на берег. Мокрый до нитки от соленой воды с моря и пресной – с неба, Лунный шел вдоль берега, дивясь ничтожности земной тверди, восхищаясь величием водной хляби. «Мне довелось-таки увидеть это море черным», – с радостью ребенка думал он.

Скоро ценитель непогоды подошел к ряду шезлонгов, продавленных до дыр телами грузных отдыхающих. Педантичный, разделся и разулся, аккуратной стопочкой сложил одежду и пошел к воде, когда заметил вдруг, что не один он пренебрег вывесками «пляж закрыт. Купание в шторм запрещается». Поодаль отдыхал мужчина, растянувшись на шезлонге так вальяжно, словно загорал под жарким солнцем. Лунного обуяла досада: и в такой ненастный день ему не удалось остаться в одиночестве.

Даже воздушные ванны сегодня оказались холодны, а вода – и вовсе ледяной. Шторм перемешал море, поднял со дна толщи, никогда не прогревавшиеся солнцем. Едва Лунный ступил волне на подол, как та поднялась и ударила его с размаха в грудь, словно собака, вставшая в приветствии на задние лапы. На миг ослепнув и оглохнув, забыв, где небо, где земля, он завертел головой, отпрянул, оглянулся. Горы всей тяжестью нависли и толкали в спину, деревья, цепляясь за крутизну, поскользываясь, уходили ввысь. Где-то еще оставался город, улицы для гуляк и кабаки для отдыхающих, и харчевня «Султан», в которой Лунный ужинал вчера и выпивал сегодня, и дом его, взятый внаем до осени...

Уже по колено в воде, с трудом делая каждый новый шаг, Лунный увидел, что к человеку на шезлонге подошли двое мужчин. «Работники пляжа, – догадался он. – Надо спешить, не добрались бы до меня». Но волновался зря, и, обернувшись еще раз, увидел бы, что больше нет на пляже никого: ни тех двоих, ни горе-отдыхающего, однако Лунный больше не оглядывался.

Теперь, стоя по грудь в воде, стуча зубами, но упорно продолжая двигаться навстречу волнам, он видел впереди себя один только Константинополь – его золотые купола, сверкающие под нездешним солнцем. И ждал, когда же, наконец, подействует наркотик у него в крови.

Когда днем накануне, прервав лекцию, Богдан вошел в кабинет ректора, его встретили двое мужчин в штатском. Один из них, огромный, налысо бритый мужлан, восседал за ректорским столом. Не бывший хозяином кабинета, он, по всему судя, чувствовал себя хозяином положения. Второй, subtilный очкарик, скромно стоял поодаль. Он-то и спросил вместо приветствия:

– По нашим сведениям, вас ищет некто Гарри. Знаете такого?

Богдан покачал головой:

– Впервые слышу.

– Этот Гарри, – подал голос мужлан, – подвизается в Алубике. Времени даром не теряет и скупает все, что попадется под руку. Но преимущественно – «витамин К» и «лед». А параллельно ищет тебя. Зачем – неясно.

Как злой и добрый полицейские, эти двое господ являлись полными антагонистами. Один фамильяричал с Богданом и говорил с аффектацией, в то время как другой вел себя сдержанно и учтиво.

– По нашим сведениям, – продолжал очкарик, – в соседней державе у Гарри имеется свой бизнес – частный спортивно-развлекательный комплекс, под прикрытием которого функционируют учреждения совсем иного свойства. Но для того чтобы вернуться к противнику лицом, нам придется спрятаться за вашу спину, уж не обессудьте. Чтобы поймать Гарри на живца, потребуется выдать ему вас.

– Сдать с потрохами, – уточнил мужлан.

Очкарик глянул на него неодобрительно. Сказал:

– Если вы согласитесь пойти на риск, вам надо сделаться заметнее: поезжайте на побережье – как-никак, визитная карточка нашей страны. Пройдитесь по барам, позагорайте на пляжах. Авось, отыщут вас быстрее.

– Правда, тогда за твою жизнь я не дам выведенного яйца, – добавил его напарник.

– Но мы все время будем рядом, – успокоил Богдана очкарик. Впрочем, не слишком убедительно.

– Я должен подумать, – сказал Баталов.

– Конечно, подумайте, Богдан Александрович. Только недолго, ибо, весьма возможно, скоро вам придется думать уже совсем над другим предложением, – предупредил очкарик.

– Смотри, лишнего не надумай, – пригрозил мужлан, давя Богдана тяжелым мрачным взглядом. А под подбородком его улыбался, как чудовищная карикатура, длинный белый шрам поперек шеи.

Богдан хорошо помнил, как эти двое вторглись в его жизнь – без спроса и не разуваясь.

Несколько месяцев назад в дверь позвонили, и, отворив, на пороге профессор увидел первого, широкоплечего. С возгласом «Лови!» тот бросил профессору коробку в яркой праздничной обертке, перевязанную ленточкой. Богдан поймал ее, повертел в руках. А когда поднял глаза на визитера, узнал того, хотя они не виделись давно, и время сильно изменило черты старого приятеля. Богдан заулыбался, подался вперед, но гость выставил перед собой руку с раскрытым удостоверением сотрудника ОБН МВД.

– Уважаемый, вы обвиняетесь в хранении и распространении наркотиков в особо крупных размерах, – отчеканил гость, проходя в комнату мимо Богдана и освобождая путь другому, прежде за его спиной невидимому человеку. Этот оказался худ, очкаст и совсем еще молод. Но также хорошо знаком профессору.

Слова приветствия застряли у Богдана в горле. Каменая, он отшвырнул коробку – теперь не требовалось гадать о содержимом. Но даже если бы он стер с обертки отпечатки пальцев, это ему не помогло бы.

Последовала процедура ареста и застенки КПЗ, и допрос с пристрастием, и обещание сотрудничать со следствием в обмен на мнимую свободу, и перевоплощение Богдана из видного общественного деятеля в незаметного вузовского преподавателя с новым именем и новой биографией. И вот теперь ему вновь предстояло пуститься в бега, но не затем, чтобы спастись от неприятеля, но для того, чтобы сдать ему без боя.

Очкарик волновался зря: думал Богдан не долго – лишь пока шагал коридорами института к выходу.

Покинув здание, профессор сел в машину и, не заезжая домой, вывел ее на скоростную магистраль Самватас – Ахтиар. В багажнике у него лежал кейс с вещами первой необходимости, и настоящим домом для Баталова всегда оставался автомобиль.

Ему не требовалось что-либо предпринимать, чтобы исполнить предписания очкарика и сделаться заметнее. Богдан предвидел, что в разгар купального сезона он, одетый во все черное от подбородка до носков ботинок, станет белой вороной в толпе отдыхающих. Профессор никогда не страдал от жары под южным солнцем, словно жил он вовсе не на брэнной земле, а на заснеженных вершинах научной мысли. Однако nihil humani alienum puto², и пребывал теперь Богдан в самом скверном расположении духа.

Гнавший машину на пределе, он уже к ночи прибыл на южную оконечность полуострова – туда, где родился и вырос. Лишь однажды его остановил сотрудник автоинспекции с намерением изъять у нарушителя права. Но вместо водительского Богдан продемонстрировал ему совсем иное удостоверение, после чего был тотчас же отпущен с пожеланием счастливого пути – заведомо неисполнимым.

Первый день на побережье для Богдана выдался не по сезону пасмурным, и, покинув мотель, где ночевал, профессор то и дело включал стеклоочистители, когда проезжал в горах под дождевыми облаками, ронявшими редкие, но крупнокалиберные капли.

² Ничто человеческое не чуждо (*лат.*).

Достигнув цели путешествия – маленького приморского городка под названием Алубика, Богдан припарковал машину на центральной площади под вездесущим памятником Ленину и продолжил путь пешком.

В его порывистых движениях, сведенных бровях и глазах, горящих угольно, с первого взгляда читалось, что лишь крайняя необходимость могла заставить профессора прибыть сюда, и пусть опасается тот, кто встанет на его пути. Поэтому встречаться взглядом с этим человеком избегали те немногие прохожие, что видели его. Сам же Богдан старался не смотреть по сторонам и шел, низко склоняя голову. Но даже камни под ногами у него вопили памятью о прошлом.

С тех пор когда Баталов жил на побережье, мало что изменилось здесь – на земле, где время легко застывало, окаменевая в руинах древнегреческой, византийской, российско-имперской и советской культуры. И вскоре профессор ступил на открытую террасу знакомого с юности кабака, сел на высокий табурет за стойкой.

– Эй, Султан! – крикнул он, подзывая бармена.

Питейное заведение, носившее название «Султан», располагалось на улице, нареченной в честь летчика-истребителя, дважды героя Советского Союза Амет-хана Султана. Улица дала имена и бару, и бармену. За давностью лет настоящее имя старика-татарина стерлось из памяти посетителей распивочной. Никогда не покидавший пределов города, бармен стал его неотъемлемой частью, словно кусок скалы или вековой кедр. Днями и ночами простаивая за стойкой, он вращал в землю и пускал корни. Но теперь, едва завидев профессора, с необычайной для своих лет прытью сорвался с места и засеменял к Богдану, осыпая того радостными восклицаниями, вознося хвалу Аллаху и беспрестанно кланяясь.

Его славословия не иссякали так долго, что Богдан, внимавший бармену в пол-уха, успел изучить меню и, отвергнув страницу с горячими блюдами, остановился на странице с горячительными напитками.

– Что угодно дорогому гостю? – наконец спросил старик, расплываясь в медоточивой улыбке.

– Виски, – попросил Богдан. – Только без льда. И так не жарко.

Нет, он еще не отчаялся настолько, чтобы напиться с утра. Но за стаканом рассчитывал разговорить бармена. Тот знал обо всех сделках и делах, творившихся на побережье – от малых до великих, от громких до уголовных. В баре у него переплетались все сплетни, слухи и суды. Здесь можно было не только славно перекусить, но и поднять на зубок практически любого горожанина. Так что даже переселившись в Самватас, Богдан поддерживал связь с барменом, служившим ему верным информатором.

Вот и теперь старик проявил редкую осведомленность:

– Без льда, вы говорите? – переспросил он, понизив голос. – А вот здесь у нас, наоборот, все время кто-то льдом интересуется.

– Знаю, Султан. В ОБН говорят – какой-то Гарри. Ты не слыхал чего-нибудь о нем?

Бывший почти вдвое моложе бармена, Баталов говорил старику «ты», меж тем как тот, словно крепостной дядька – к баричу, напротив, обращался к профессору только на «вы» и только по имени-отчеству.

Бармен сокрушенно зацокал языком, горестно воззрился на Богдана:

– Опять вас, почтеннейший ага, эти шайтаны посетили?

Молодой профессор горестно развел руками: делать, мол, нечего.

– Я с ними повязан, Султан. У них против меня есть... несколько весомых аргументов.

– Про Гарри не скажу, но видите вон того чудака, что одет не по погоде? – все так же шепотом спросил бармен, указывая себе за спину. Заглянув в зеркало позади старика, Богдан увидел мужчину лет тридцати, в шортах и футболке. Тот сидел за столиком, открытым всем

ветрам, не замечая холода, уставившись в пустой стакан. Других посетителей нынче у Султана не было – в такой ненастный и ветреный день город вымер.

– Он приехал пару месяцев назад, достопочтенный ага. Часто ко мне захаживал, – шептал бармен. – А вот вчера купил целую гору льда. Вы понимаете, о чем я? Целый ледник, если так можно выразиться. – Рассказчик захихикал, но тут же закашлялся.

Богдан понимал:

– Что ты ему продал взамен?

– Мел, что же еще, глубокоуважаемый ага, – широко и беззубо заулыбался бармен. – Поговорите с ним. Только учтите – ходят слухи, что он не жилец, что у него СПИД. – Старик даже округлил глаза для пущей остратки.

– Неудивительно, – протянул Баталов и залпом осушил стакан, будто за упокой души. Посмаковал на языке слова, как виски: – *Contra vim mortis non est medicamen in hortis*³.

Богдан предпочитал не называть вещи своими именами, он называл их именами латинскими. Но не одна только профессиональная привычка говорила в нем: латынь, красивая и крылатая, приукрашивала неприглядную действительность, как грим – покойника.

– ...Так что вы с ним поосторожнее, досточтимый ага, – предостерег его недалекий бармен.

– Можешь быть спокоен: я не собираюсь с ним брататься на крови. Султан, будь другом, присмотри за моей машиной, она стоит на площади. Ты ведь знаешь, как я к ней привязан – сильнее, чем всеми ремнями безопасности.

Хозяин понимающе заулыбался и кивнул, Богдан выгреб из кармана связку ключей, бросил их на стойку и, попросившись с хозяином то ли кивком, то ли коротким поклоном, присел за крайний столик, в пол-оборота к человеку, одетому не актуально. Ждать долго не пришлось, и вскоре Богдан понял, что его поднадзорный очень кстати сторонится общества людей, ища уединения в парке.

Богдан шел за ним следом, держась на расстоянии, чтобы самого его скрывал сумрачный парк, а шорох шагов на песчаных аллеях скрадывал ветер. Однако меры предосторожности оказались излишними: погруженный в себя, человек, которого Богдан преследовал, не обернулся ни разу, всю дорогу глядя себе под ноги.

Когда они пришли на пляж, соглядатай, вконец осмелев, устроился на шезлонге. Увидев, что чудака намерен искупаться, Богдан внезапно сопоставил все сведения, полученные от Султана, и вывод не обрадовал его. «Эге, да он, похоже, вздумал утопиться, – сообразил Баталов. – Черт! Что же мне теперь, вытаскивать его, что ли?»

Времени на раздумья не оставалось. Богдан вскочил, скинул ботинки, торопясь, разделся на тот случай, если придется спасти утопающего, когда вдруг понял, что и сам увяз: со стороны пункта проката надувных плавсредств к нему приближались двое мужчин.

– Баталов Богдан Александрович? – спросил, усмехаясь, один из них, подойдя к профессору вплотную.

– Чем обязан?

– Вам придется проехать с нами, – сообщил другой, между тем как первый сгреб в охапку вещи Богдана.

Карманы у обоих топорщились таким характерным образом, что профессору вмиг стала очевидна вся тщетность сопротивления. «Оружие ближнего и дальнего боя, – догадался он. – Да я важная персона, раз меня берут, как крепость. Осадных лестниц только недостает...»

Провожатые отвели его к фургону, припаркованному неподалеку. О человеке, который, многое возомнив о себе, задумал море переплыть, Богдан Баталов не забыл. Но и помочь ему уже ничем не мог.

³ Против силы смерти нет лекарств в огородах (*лат.*).

3. ANIMA ET FATUM жизнь и смерть

Глава 7. Я (3 июля) АБСТИНЕНЦИЯ

Синдром физических и психических расстройств, развивающийся у больных наркоманией спустя некоторое время после прекращения приема наркотика или уменьшения его дозы. Ломка.

Чтобы скорее покончить с поручением физика, я встал засветло.

По радио узнал, что в городе объявлено штормовое предупреждение. Шквал также обещали в Новохоломгорах, и неприятно удивило меня сходство городов, не бывших ни соседями, ни побратимами, но связанных судьбой одного человека.

В маршрутном такси по дороге к дому последней из Снеговских я задремал, когда же вышел из микроавтобуса, чувствовал себя выспавшимся и готовым вероломно усыплять чужую бдительность. Я опасался, что пожилая хозяйка не откроет мне в столь ранний час. Но едва нажал кнопку звонка, в квартире послышались легкие шаги, щелкнул замок, и распахнулась дверь, как крышка гроба моей прежней жизни, давно похороненной в памяти. А на пороге я увидел призрака во плоти.

– Ты?! – воскликнула открывшая мне девушка, но я уже и сам не знал: я ли? Как во сне, слышал, что разбилась о пол чашка, выпавшая из ее руки. Очертя голову, я сгреб в охапку свою беглую возлюбленную, и показалось – смогу унести ее с собой, не выпуская ни на миг драгоценный груз. Я целовал ее, но слишком скоро понял, что она стремится оттолкнуть меня... Разжал руки, отступил на шаг.

– И откуда ты только взялся! – воскликнула девушка с досадой, расправляя и отряхивая белое платье, хотя я не смял его и не испачкал. – Чисто из-под земли...

– Что?.. – оторопел я.

– Мне говорили: ты и думать обо мне забыл.

– Кто? Кто говорил?

– Неважно. Ты его еще не знаешь.

Я видел признаки близкой бури – в глазах у нее, а вовсе не за окнами. Я знал: для этой девушки любой скандал – гроза в начале мая. Под градом обвинений она только гордо распрямлялась, под огнем обид – как заря, рдела, под дождем собственных слез – цвела. Из скандалов она делала искусство, причем боевое. Любой порыв ее, как ветер, переменчивого настроения всякий раз вышибал у меня почву из-под ног, бросал на произвол судьбы, как перекасти-поле. Под шквальным огнем упреков, под жгучим ливнем обвинений от меня неизменно оставался труп – в клочья разорванный и заживо сожженный.

– Должно быть, я обожгла тебя? Это был только что сваренный кофе, – произнесла она с усмешкой, чуть ли не садистской.

И в самом деле: по комбинезону лжесантехника расплывалось мокрое коричневое пятно. А я и не заметил...

– Как ты меня нашел? Выходит, что мои доброжелатели, советовавшие держаться от тебя подальше, имели в виду – еще дальше. Зачем искал? Легко удалось найти? Какая жалость! Как прискорбно, что ты появился здесь, тебе и не представить! Просто Каменный гость.

От лютого холода ее слов мои надежды, не успев воскреснуть, пали прахом. Я молча на нее смотрел и сожалел о том, что гостем я был далеко не каменным.

– Почему ты ушла от меня?

– Потому что я тебя не любила. Напротив, временами ненавидела.

– Зачем же тогда жила со мной?

– Не стану отвечать, – рассмеялась она мне в лицо. – Можешь считать меня мерзавкой, но ведь и я тебя прекрасно знаю: ты лицемерен, бесчувственен, жесток. И мне не жаль тебя. Но какая досада! Я-то, наивная, думала: теперь хоть сколько-нибудь проживу спокойно. Всегда мечтала переехать в пригород, вот и сняла квартиру по объявлению – у одной милейшей старушки... Ты поражен, я вижу, да? Ну, ничего, пройдет. Случаются ведь поражения и страшнее. К примеру, поражение в уличной бойне, повлекшее смерть за счет тяжелого, опять-таки, поражения внутренних органов... Кстати, недавно я неплохо заработала на донорстве, а вот теперь подумываю, не податься ли в суррогатные матери.

– На донорстве?! Что же ты сдавала? Кровь?

– Отдала все, что плохо лежало, – рассмеялась она, как безумная.

Мне казалось: легче умереть от кровопотери, чем заработать донорством на жизнь. И я не мог представить, что в человеческом теле может плохо лежать. Разве только опустившаяся почка?

– Ты извини, – сказала вдруг она посуровев, – я больше не хочу иметь с тобой ничего общего – даже темы для разговора. И видеть тебя дольше не желаю. Ты, право, загостился, пора бы и честь знать.

И указала мне на дверь.

Я столько горестей забыл – беспечно, счастливо. И лишь о том, что она значила для меня, позабыть не мог. В тот день, когда она исчезла, уничтожив все следы своего краткого визита в мою жизнь, я был поражен, повержен. И долго ничего не чувствовал, помимо беспрестанной боли. Не жил – мучился ломкой.

Врачи советуют выбрасывать или сжигать, как идолов, все вещи, что напоминают о любимом, но не любящем человеке. Я бы последовал совету, но моя неверная сама забрала все, что мне могло о ней напомнить, лишив меня горячего для символического аутодафе. Казалось, даже отпечатки пальцев стерла. Зато оставила мне город, где мы встретились. Чтобы забыть ее, мне пришлось бы спалить его весь, до последнего дома. Но даже если бы злодейство сошло мне с рук, то разве удалось бы мне сжечь лето, в первые дни которого мы встретились? Лето, что, как саламандра, и само было огнем? Что, как неопалимая купина, горело и не сгорало?

Тогда, ища спасения среди людей, я бросился к друзьям. Но те смотрели на меня, словно впервые видели. Я остался один-одинешенек, как часто жил, но никогда прежде не испытывал еще такого жестокого одиночества. Будто всему человечеству я был не ровня, не родня. Как выпавший из строя – то ли отстал от всех, то ли всех обогнал. Словно проспал войну, которая изрядно проредила мое поколение, больше товарищей не находил.

Облаченный в траур черной меланхолии, я начал жить, словно нетребовательное растение. Когда не работал, только ел и спал. Спал много дольше обыкновенного – практически беспробудно, больше не жалея времени на сон: ни трети жизни, ни двух третей. Спал, даже пока бодрствовал. Мне снились удивительные сны, по сравнению с которыми серая действительность меркла, а ближе к ночи и вовсе гасла вместе с дневным светом. Пока вокруг разгоралось лето, я замораживал себя. Впадал в анабиоз, в животную охранительную спячку. Словно под плохим наркозом, я, неспособный пошевелиться, но оставшийся в сознании, наблюдал за манипуляциями бога-хирурга, что реанимировал меня каждый день заново, но всякий раз – не до конца.

Потом я стал заходить в спортивный комплекс – по ночам, когда купальщики уже не поднимали в бассейне штормовую волну, а пустой тренажерный зал – последнее место на земле, где мышечные усилия еще ценились выше работы электрического тока, – походил на остановленный заводской цех. Один в огромном помещении спортзала, я прижимал к груди, словно истосковавшись по ним, металлические руки тренажеров, тягал пудовые гантели и штанги. Я знал: кости растут под тяжестью развившихся мышц, сами собой срастаются ребра, туго оплетенные мышечным корсетом. И хотел проделать то же самое с больной душой. Я изолировал ее подвижность: ни единого порыва души не оставил, ни малейшего душевного движения. Сделался безразличным ко всему, безжалостным. Да, со стороны казалось, что я вовсе стал бездушным, но я лишь обезболит самого себя.

Я отстранился от всех радостей жизни, сделался анахоретом. Стал затворником, хотя ежедневно выходил на улицу, отшельником – пусть в многомиллионном городе, столпником, ежедневно поднимавшимся на лестничную площадку многоэтажного дома. Не давая обета молчания, безмолвствовал сутками, веря, что аскетизм возвратит мне былое равновесие души, пошатнувшейся в теле.

И это помогло: проснувшись третьего дня поутру, я наконец-то ощутил, что жив. Завел знакомство с новыми людьми, смеялся вместе с ними, с головой ударился в сомнительную авантюру. Но как недолго продолжалась эта жизнь! Лишь до сегодняшнего дня, когда в огромном городе судьба свела меня вслепую с той единственной, с которой я не чаял свидеться. Возможны ли такие совпадения? Кто те доброжелатели, которые советовали ей держаться от меня подальше? Некому было задавать эти вопросы, да и незачем.

Врачи не рекомендуют горевать о неразделенной любви более полугода. Но, похоже, мой отсчет только сегодня начался.

Дороги домой из пригорода я не запомнил. Я вспоминал ее лицо, глаза, волосы, голос. Каждая черта ее теперь светилась ненавистью ко мне: лицо – мертвенно бледное, волосы – черные, как бездна, глаза – будто металл, холодно-серые и голос – механический, словно его исказили специально, анонимности ради.

Возвратившись домой, я долго не мог сообразить, что делать дальше. С минуту стоял и рассматривал кухонный стол: в чашку с водой попадали черемуховые лепестки. Я выпил, проглотив их, воду, та имела странный вкус. И ощутил себя японским самураем под цветущей сакурой, но в большей степени – Сократом, что предпочел яд изгнанию.

Завидуя философу, решил лечь спать. Не отказался бы теперь уснуть если не вечным сном, то летаргическим. Чтобы проспять несколько месяцев кряду, как лягушка, безболезненно вмерзшая в толщу льда, раз уж стать принцем от поцелуя прекрасной принцессы мне теперь не грозило, и даже в мечтах не грезилось.

В спальне я рухнул на кровать, не раздеваясь, и лишь тогда заметил, что тяжелый запах черемухи пробрался и сюда. К нему уже примешивались нотки тления. Я думал, было, встать и выбросить цветок, но сон сковал меня по рукам и ногам. Мгновением прежде, чем уснул, я подумал об одноименном слезоточивом газе. Быть может, стоило распылить его в квартире? Тогда я обрел бы облегчение в слезах.

Я провалился в сон внезапно, отключился, как по воле анестезиолога, и даже не пришлось считать от десяти до одного...

Проснулся же от собственного кашля в густом черном дыму. Не видя ничего, задыхаясь, бросился вон из комнаты.

В коридоре трещал огонь – скользил по глади паркета. Босой, я мог еще преодолеть те несколько шагов, что отделяли меня от входной двери. Но тут заметил ее – собственную смерть, что, словно джин, томилась не в бутылке, а в канистре с керосином. Ее уже обнимал огонь, я видел, как тает снегом белый пластик...

В последний миг, что еще осознавал, я повалился на пол, инстинктивно закрывая голову руками. «Вот и конец», – пронеслась мысль быстрее ветра, распалывшего пожар.

А после ничего не стало, кроме боли.

Уже ночью, когда остался в ординаторской один, врач-комбустиолог достал телефон, набрал номер и, дождавшись ответа, зашипел в трубку:

– О чем ты думал, мать твою?! Чуть не спалились!

– Откуда я мог знать, что у него там керосина, как в самолете? – вопросом на вопрос ответил его собеседник. – Что накопал?

– Повреждения нейронов достаточные, чтобы вызвать проблемы с ЦНС, потерю памяти, иммунодепрессивное состояние. Бат хотел делать ультрабыструю детоксикацию с опиоидным антагонистом, но тут противопоказания имеются. Нужна детоксикация экстракорпоральная. И вот что я решил: проведу ее сам – благо, в психиатрии есть искусственная почка⁴. Потом заместительную терапию...

– Это же не по твоей части.

– Знаю. Ничего, чай, не сложнее гемодиализа будет. Только не проболтайся Бату нена-роком, а то он с меня шкуру снимет.

Комбустиолог не на шутку рисковал: он мог и сам оказаться на больничной койке по воле человека, от которого намеревался скрывать столь многое. Но рискнуть стоило.

⁴ *Искусственная почка* (жарг.) – гемодиализатор – аппарат, временно замещающий функцию почек.

Глава 8. ОНА (3 июня) АФФИЛИАЦИЯ

*Стремление человека быть в обществе других людей,
возрастающее в опасных ситуациях.*

Я познакомилась с ним в Академии художеств, где работала моделью (хотя позировала одетой, злоязычный Игорь звал мое занятие «торговля телом»). Работа требовала неподвижности, но я боялась шелохнуться вовсе не от усердия. Словно планету Марс, меня сопровождали спутники Фобос и Деймос – страх и ужас. Делали почву под зданием института нетвердой, и в коридорах Академии меня шатало, как на море в шторм, и мутило от страха.

Студенты на модель, одетую ли, обнаженную ли, внимания обращали мало. Натурщики переставали быть для них людьми, художники видели в них конструкцию. Я знала: так же, как и все, словно на декорацию, смотрел на меня и этот человек. Но только с ним я опасалась встретиться глазами – страшнее представлялось только столкновение с убийцей в темном переулке. Я боялась его, как огня, недаром одевался он в зарево красного.

Снеговской.

Едва он появился в моей жизни, она стала полем боя. И снежно-белый флаг побежденного уже реял над моей головой. Он убивал меня, того не зная, потому что без него мне жизни не было.

– Нет, нет! Ну, только не любовь! – сокрушался Игорь – единственный, кому я рассказала о своем поражении.

Спеша, как крыса, убегающая с корабля, мой постоялец отбывал нынче на конференцию по психореаниматологии. Но уезжал он отчего-то на ночь глядя сломя голову, будто реанимировать кого-то предстояло прямо в зале заседаний. Сборы не ладились, вещи валялись у Игоря из рук, когда он то и дело всплескивал руками, восклицая:

– Только не любовь, я тебя умоляю! Выброси его из головы. Выкорчуй из сердца. Выгони вазшей, – все повторял он. – Ведь я тебе добра желаю!

– Игорь, но ты же сам меня с ним свел...

– Ты заблуждаешься! По доброте душевной я устроил тебя на работу в институт, где тебя свел с этим мерзавцем сам лукавый. И откуда только взялся, негодяй! Чисто из-под земли! Из преисподней!

– Неужели он такое уж исчадь ада?

– Так он ведь кто? Маргинал и антисоциальный тип. Я таких знаю! Должно быть, непременно наркоман. Что ему светит? Только сдохнуть под забором. А если пустишь его в дом, то прежде сделает из дома уличный притон, а после, все едино, сдохнет под забором. – Игорь задумался: – Хотя фамилия, конечно, у него красивая... И знакомая... Кажется, из восточно-европейского дворянства... И где только проходимец такую достал? Он-то – без рода, без племени? – спрашивал доброжелатель, словно речь шла о товаре.

– Тебе не о чем волноваться, Игорь.

Участи быть рядом с этим человеком я не вынесла бы, как не пережил Икар близости солнца. Без него ли, с ним ли – белый свет стал мне не мил.

– Нет-нет! – не унимался Игорь. – Надо скорее с ним покончить! Он – паразит. Болезнь. Вирус в твоей голове. Да, нейротропный вирус во плоти, который инфицирует прицельно ткани мозга. – Для пущей убедительности Игорь постучал пальцем по моему лбу.

Он был во всем прав, а я – кругом виновата.

– Но ты не переживай, – решил Игорь добавить ложку меда в бочку дегтя. – На каждый идеал найдется разочарование, на всякую болезнь – врач, а на любую вредоносную программу – взломщик.

– Что же ты мне предлагаешь, взломщик? Перефронтальную лоботомию?

Он больше не подговаривал меня убить врага. Но призывал убить в себе бессмысленное чувство. Однако вместо требования «покончи с ним» мне слышались по-прежнему слова «прикончи его».

Как только вышел за порог, Игорь уже не мог меня ни урезонить, ни пристыдить, ни усовестить. Я осталась одна – бесстыжая, бессовестная, безумная. А ночью вовсе сделалась воровкой: мне снилось, что я выкрала у своего врага всю красную одежду, с упоением распустила ее на нитки и порезала на лоскуты. Алый бесформенный ворох пряжи и тряпья лежал у меня на коленях, словно я перепачкала руки по локоть в крови Снеговского.

Да, я хотела убить его собственноручно – и во сне, и наяву, часами сидя в полной неподвижности перед студентами, стреляя в него взглядами. Но сердце у меня стучало так, словно сама я находилась под прицелом, и не было ни пуль в магазине, ни стрел в колчане.

Говорят, от любви до ненависти один шаг. Врут. Идти для этого не надо вовсе.

Когда разгоряченный студенческим кутежом Снеговской спяну выскочил в ночь за сигаретами, он пожалел, что так легко оделся. Но можно ли привыкнуть к тому, что летом сыпет снег?

Теперь одежда его уже вымокла до нитки, потяжелела, облепила тело и покрылась бурными пятнами. Было смертельно холодно, и зубы стучали так, что Снеговской боялся самому себе случайно откусить язык. Он уже не чувствовал рук и задыхался – жадно глотал воздух, но надыхаться не мог.

Переулочек был необитаемый, словно лесная глушь, где бесполезно звать на помощь. И фонари стояли, выбитые через один, как зубы. Над головой у Снеговского на ветру мотался из стороны в сторону один, недобитый, но казалось – это его самого трясет на ухабах.

Сначала он еще держался на ногах, но промелькнул нож, нападавший целил в живот, руку его Снеговской отбил, и лезвие вошло ему в бедро. Вспыхнула огненная боль, нога залилась кровью, но липкая жидкость пожар не тушила – распалила. Он упал. И когда, скорчившись, валялся на земле, в нем не осталось ничего – ни горделивого, ни мужественного. Били его тяжело, со знанием дела, с отяжкой – растягивая удовольствие. Потом, наигравшись и обобрав, ушли.

Слабеющими руками Снеговской обшаривал карманы в поисках телефона. Но тот, разбившийся вчера, остался дома, и отыскались только зажигалка да связка ключей от квартиры бывшей любовницы.

Одежда его от воды разбухла, тянула якорем к земле, и Снеговской уже не мог подняться ни на ноги, ни на колени. Казалось, рана несерьезная, но ему сильно не понравилось, что кровь из нее вырывается толчками, словно сердце совсем рядом. И что холод подступает изнутри, а не снаружи. Что волоком тянет в сон. Что слабость разливается по телу, приходя на место излившейся крови.

Над иссыхающими реками поют камлания шаманы и приносят жертвенных животных в дар богам. А Снеговской сделался жертвой сам. Не знал, будет ли Бог, в которого он никогда прежде не верил, равнодушным к крови высшего животного, и боялся, что петь над ним теперь станет только священник. Лежа на спине, он видел небо, звездочки снежинок, вместо звезд, а Бога высмотреть не мог, как ни старался. Жаждал различить музыку сфер – сирену скорой помощи, но слышал только собственное дыхание, что становилось все поверхностнее.

Снеговской не знал, что при вскрытой бедренной артерии без срочных мер по остановке кровотечения и восполнения кровопотери человек умирает за двадцать минут. И скоро его стала окружать кольцом, словно деревья в чаще, заслоняющие небо, совсем иная темнота, нездешняя.

На свете было великое множество способов умереть, но только две смерти – пятьдесят на пятьдесят, кому как повезет. Обе они теперь стояли подле него, словно знаки у проезжей части. Предупреждающий дорожный знак номер 5.8 «дорога с реверсивным движением» – клиническая смерть, частично обратимая. И дорожный знак особого предписания номер 5.5 «дорога с односторонним движением» – биологическая смерть, окончательная и бесповоротная.

Едва сел в кресло самолета, человек по прозвищу Гарри достал мобильный телефон, набрал номер и зачастил:

– Слушай внимательно: как только его залатают, из дежурки везите его прямо ко мне за город. Если скорпомощники заартачатся, делай, что хочешь, лишь бы ментов по факту ножевого не успели вызвать. Я приеду через пару дней, у меня срочное дело на побережье...

Прервав один вызов, он сразу же набрал другой номер, междугородний, и едва дождав-шись ответа, закричал в трубку:

– Сровняйте с землей весь полуостров, но достаньте мне его, хоть со дна моря!

После чего яростно бросил телефон на соседнее сиденье, которое выкупил, чтобы избежать себя от попутчика. Заставил пассажиров, удивленных его криком, головы ломать над тем, что же понадобилось ему на дне морском – жемчуга ли, затонувший ли корабль?

Дождаясь взлета, Гарри смотрел в иллюминатор на пригородный пейзаж, унылый и плоский, как подошва, утешаясь тем, что уже через два часа его сменит другой – гористый. Два часа имелось в запасе у его собеседника на поиски – именно столько требовалось аэробусу А320, чтобы преодолеть полторы тысячи километров и достигнуть цели.

Глава 9. ОН (6 июня) АПОПТОЗ

*Программируемая клеточная смерть, регулируемый процесс
самоликвидации на клеточном уровне.*

Я ворвался к нему в комнату без стука, осыпая пол комьями снега, и с порога завопил:

– Анна разбилась на склоне! Упала с подъемника!

Хозяин не спал – сидел за столом и говорил по телефону. Но бросил трубку, не договорив, лишь только увидел меня.

– Не переживай, – сказал он. Хотя мне как раз это и требовалось – пережить случившееся. – Не бери в голову и не принимай близко к сердцу.

– Вы ее убили!

– Я? А что еще тебе наговорила эта несчастная, скорбная умом девица?

– Несчастная?! Не по вашей ли вине?!

– Не горячись так. Лучше сядь, переведи дух. Посмотри-ка, ты весь мокрый с головы до ног.

Я продолжал стоять. Он, помолчав, усмехнулся:

– Мы ведь, мальчик, сюда кого попало не берем. Только людей здоровых абсолютно – и физически, и психически. О том, что девушка больна, стало известно позже. Мы пытались ей помочь по доброте душевной, но она оказалась, как говорят селекционеры, выбраковкой безродной, особью с концентрацией генетического мусора, превышающей допустимую. Мы, повторю, пытались ей помочь. Но природа оказалась мудрее нас, и болезнь несчастной довела ее до самоубийства, тем самым устранив угрозу виду.

– Что у вас здесь твориться, что это за место, черт возьми?! – выпалил я, однако от вида лица его – самодовольного, ухмыляющегося – запал мой стал сходить на нет. И я добавил только, далеко не так уверенно, как поначалу: – Я требую объяснений!

Он вздохнул:

– Такова жизнь, мальчик: даже у клеток человеческого тела есть механизм самоуничтожения. Как только клетка начинает угрожать здоровью организма, она убивает себя сама. А если бы не сделала этого – стала бы раковой, и меньшинство подобных долгожителей убило бы огромный организм в два счета. У тебя клетки тела полностью обновляются ежемесячно, так что и ты умираешь беспрестанно: таким, как прежде, больше не являешься и больше никогда не будешь... Сам посуди: жизнь и смерть – одна медаль, две стороны. А уж какая из них аверс, а какая реверс – это как посмотреть. Когда кого-нибудь хоронят, провожая на тот свет, все плачут, убиваются. А может быть, так же, с рыданиями, в безутешном горе провожают с того света души к нам, на землю, на испытание жизнью, что есть одна лишь череда страданий? Ты об этом не задумывался?

– Что?!

– Да-да, представь, и сам ты уже третий день как мертв. Умер как единица человеческого коллектива – социальной смертью. Ведь до сих пор ты далеко не лучшим образом распоряжался собственной свободой, вот социуму и пришлось вмешаться, изолировать тебя от добропорядочных сограждан. Здесь, в санатории, все сделано специально для тебя и для таких, как ты, – жилье, питание, моцион, трудотерапия. Даже полы с подогревом. Прекрасный пейзаж, волшебный воздух, все включено, причем бесплатно, за чужой счет – так бы жил любой. И лишь одно условие – не покидать пределы поселения. Ты можешь, разумеется, считать такое требование нарушением гражданских прав и свобод. Но ведь здесь не тюрьма, не сумасшедший дом, здесь – санаторий. Комфортабельное чистилище для души и тела. Вот и снег белый –

чист, как *tabula-rasa*⁵. А я – твой личный ангел-хранитель, он же надзиратель. Жаль, что теперь из-за полоумной девицы придется сворачивать проект. Иначе такая шумиха поднимется...

Я понял: истинный безумец восседал сейчас передо мной. Ничего более не говоря, я развернулся и бросился вон.

На улице без грозы грохотало, я едва не оглох, когда, выскочив на крыльцо, увидел вертолет, медленно опускавшийся перед главным корпусом. Ледяной ветер от лопастей бил в лицо. Неподалеку стоял грузовик. Незнакомые люди, на фоне прожекторов ставшие тенями, таскали в кузов массивные ящики. Мне показалось: сейчас разберут поселок по доскам, как декорации.

Я все еще стоял посреди двора, не представляя, что делать, когда человек по прозвищу Гарри вышел на крыльцо вслед за мной – уже одетый в шубу и с кейсом в руке. Дружески похлопал меня по плечу:

– Мы рвем когти, – сказал он, – а вот тебе, уж извини, придется оставаться здесь, тебе обратно путь закрыт. Сам понимаешь, нам не нужны свидетели наших оплошностей. Стоило бы, конечно, пристрелить тебя, но ты и сам уже сделал достаточно, чтобы себя прикончить.

Ему подали знак из вертолета. Гарри отсалютовал мне и зашагал прочь.

– Стойте, стойте! – крикнул я, но оказался не в силах сдвинуться с места, будто своими словами хозяин пригвоздил меня к земле.

– Научись ценить одиночество, парень, – бросил он, обернувшись. – Одиночество – привилегия гениев.

Человек, назвавший себя моим ангелом-хранителем, действительно вознесся, подняв снежный вихрь – пусть не своими крыльями, а лопастями вертолетного винта. Следом и грузовик выехал за ворота. Вначале, удаляясь, шум двигателя звучал, как море, перекатывающее крупную гальку вдоль берега. Потом – как дождь, шуршащий по асфальту. А под конец, мигом прежде чем раствориться в воздухе, – как ветер.

Тишина заложила уши.

И я остался в поселке совершенно один.

Луна висела над головой театральным прожектором, яркость которого забыл убавить осветитель. Все актеры, кроме одного, ушли со сцены, но в зрительном зале свет все не вспыхивал. Ждать антракта, сложа руки, я не собирался. Тем более – сложа их на груди крестнакрест. Что бы за чертовщина ни творилась здесь, какие бы здесь ни водились самозванцы ангелы и бесы, но я-то оставался человеком – живым, в здравом уме и трезвой памяти.

Я возвратился в комнату, где стыла моя постель, переоделся, прихватил фонарь. Не знал, сколько займет дорога к федеральной трассе, где я рассчитывал поймать попутку в город, но едва ли путь, занявший несколько часов езды на второй передаче, был непреодолим для пешего. Зашел в кафе, закинул в рюкзак бутылку с водой, буханку хлеба, пару консервных банок. И зашагал вслед за уехавшим грузовиком прочь от треклятого поселка. Уговаривал себя не поддаваться панике, но сердце колотилось бешено, как если бы не шел я, но бежал. И прошагал я только пару километров, прежде чем ноги стали заплетаться, но не от усталости – от страха...

Рассвело. Хотя сонливости как не бывало, я долго не терял надежды пробудиться ото сна и тер глаза, не веря им: грунтовка с каждым шагом становила уже. Здесь не проехал бы и легковой автомобиль, не то что грузовик. Но тот не мог и раствориться без следа. Ни подняться в воздух, ни провалиться сквозь землю не мог. Вскоре дорога стала едва различимой тропкой в чаще леса, она таяла, зарастала травой, как если бы не в пространстве я двигался, но во времени, и видел, как оно творит забвение, стирая следы человеческого бытия. Лес будто

⁵ Чистый лист (*лат.*).

ждал удобного момента, чтобы потопить коттеджный поселок – островок цивилизации в океане деревьев, – и вот момент настал: я, последний человек, оставшийся здесь, сошел с ума.

Скоро и ручеек тропинки пересох во мху. Лес окружил меня со всех сторон, и даже с тыла подобрался. Я взглянул на небо – серое, пасмурное, бесстрастное. Вряд ли мне удалось бы его разжалобить. Оглянулся в последний раз на тропу: не исчезла ли позади так же бесследно, как спереди. И вошел в бурелом – побрел, куда глаза глядят, уже не чая отыскать пути – ни прямого, ни извилистого. Шел напролом, боролся с буревалом, продирался сквозь валежник. Не чувствуя усталости, ни о чем не думая, все шел, только затем, чтобы идти, ломая ветки, спотыкаясь о корни, падая и поднимаясь.

Казалось, едва я ступил под его своды, лес пришел в таинственное, неуловимое движение. Словно деревья разом подобрали полы крон, свисавших до земли, и, сгущая чащу, подошли ко мне – рассматривать пришельца. Лес, будто исполинский зверь, смотрел на меня сверху вниз, решал, что делать: то ли сразу проглотить, то ли сначала проиграться с жертвой? Здесь я был инородным телом, чужаком. Был вольнодумцем, а в чаще давно сформировалось парламентское большинство «зеленых». Я чувствовал, что лес кроит меня по новой мерке, безжалостно отсекая лишнее. У этого модельера не было ножниц, но острые сучья изорвали мне одежду. У этого хирурга не было скальпеля, зато игл имелось – хоть отбавляй. И я до крови царапался о ветви, то и дело закрывал глаза, чтобы не выколоть их.

Но я уже и сам, черпая силы из животной ярости, хотел, чтобы лес сделал меня зверем, мысли заменив рефлексам. Чтобы заточил зубы и когти, слух и зрение. А страх притупил. Избавил меня от тяги к людям. Чтобы трава проросла сквозь меня, и влезла наружу шерстью. Тогда бы я услышал его бессловесную речь, увидел бы его живым – чувствующим и мыслящим. Тогда бы я нашел в нем собеседника, пусть и не либерального, но все равно – многоголосого.

Долго ли брел и бредил так, я не мог сказать. Пасмурный полог листвы не пропускал света. Но вскоре я заметил, что чащоба стала изменяться. Я уже давно шел в гору, топкие сырые мхи остались позади, сменившись голыми камнями, словно лес готовился стать лестницей в небо. Вместо сосен и елей меня окружали теперь хвойные деревья неведомой породы – невысокие, с перекрученными, как жгуты, стволами, с круглыми шишками. Только от перемены декораций моя незавидная роль не стала лучше, и некому было переписать сценарий.

Внезапно солнце вышло из-за облаков, а я – из чащи. Небесное светило поднималось выше, я – остолбенел.

Я оказался на открытой пустоши, круто забиравшей вверх и застланной туманом. Когда же прошагал по склону пару сотен метров, земля ушла у меня из-под ног. Я отшатнулся. Если бы оказался здесь ночью, я, не увидев пропасть, теперь летел бы вниз, из человека превращаясь в крошево костей. Но не от страха волосы на голове у меня встали дыбом – от увиденного с высоты.

Я видел море. Но не океан лесов и не простор полей, не волны разнотравья. Синее море простиралось передо мною, докуда хватало глаз, хотя я им по-прежнему не верил. Сам же стоял на вершине скалы, спускавшейся к воде.

Море... Здесь ему не полагалось быть, ведь я не мог преодолеть две тысячи километров. Но я видел маленькие свечи кипарисов далеко внизу и кроны южных сосен – плоские, как панамы, и выжженные солнцем травы.

Мираж, галлюцинация...

На самом краю обрыва росло огромное белое дерево. Я подошел ближе, узнал черемуху. Та отцветала, и лепестки сыпались, невесомые, как снежинки. Ноги подкосились у меня, но не от бессилия – от безумия. Я засмеялся, понимая, что, вероятно, повредился рассудком много раньше, чем приехал сюда, ибо и самый курорт был наваждением.

Я лежал на земле под деревом, где было много соломинок, но ни одной – для утопающего в Лете. Куда быстрее, чем давеча лопасти вертолета, кружилась у меня перед глазами прожитая

жизнь. И я смотрел ее, как фильм, как страшный сон, не в состоянии ни оторваться от экрана, ни проснуться. Теперь я вспомнил, как разлилось вокруг меня море крови. Я хотел остановить ее, но повернуть вспять эти реки было не под силу. Я умирал, растапливая кровью белый снег вокруг себя. Там, где это случилось, горел мутный свет уличного фонаря, а вовсе не дальний свет фар. Никто не подвозил меня, никто не присылал за мной машину, и тем более – машину скорой помощи. Я умирал один, до ужаса один. Вокруг меня сжималась жилистая темнота – лишь руку протяни, упрешься, до того тугая. Она переломала мне все ребра, я не мог дышать – это и был тоннель, тот самый, без искусственного освещения, такой же тесный, как путь из утробы матери.

Смерть оказалась так похожа на дорожные знаки. Как мертвые с косами, стояли они друг за другом по обочинам скоростной трассы из мира наземного в мир неземной, ведя обратный отсчет:

Знак номер 5.8 «дорога с реверсивным движением».

Сердечно-легочная реанимация. Но светофоры не горят: обратной дороги нет.

3.17.2 – «опасность». Запрещается дальнейшее движение всех без исключения транспортных средств – и эмбюленсов скорой помощи, и реанимобилей.

2.2 – «конец главной дороги». Дороге конец.

1.31 «тоннель, в котором отсутствует искусственное освещение».

Но виден свет в конце тоннеля.

1.30 – «низколетающие самолеты». Когда еще они летали ниже меня?

1.29 – «боковой ветер». В стратосфере зимой ветры дуют исключительно с востока на запад, а летом – с запада на восток.

1.14 – «крутой подъем». Подъем. Подъем...

И все. Отмена всех ограничений. Смерть.

В фургоне было темно, как в бочке с бензином, где любая искра – светопреставление. Когда же Богдану сверх того завязали глаза, он понял, что не всех еще циркачей, любителей дешевых эффектов, переловили сотрудники ОБН.

Машина тронулась. Сначала под ее колесами хрустел гравий, затем шуршал асфальт. Когда автомобиль развил порядочную скорость, профессор догадался, что движется он по прибрежной магистрали Джалита – Ахтиар. Богдан пытался считать повороты, но скоро сбился. Выручил пассажира-пленника тоннель – единственный на побережье: когда шум колес внезапно стал громким и гулким, Богдан понял, что отсюда ему лишь одна дорога – в Ахтиар. Он не ошибся: вскоре они миновали Джалитинское кольцо – перекресток с круговым движением на въезде в Ахтиар, который даже с завязанными глазами невозможно было с чем-то спутать, и через некоторое время резко свернули влево, предположительно, на Феленк-Буруновское шоссе. Однако вскоре дорога пошла разбитая, на ухабах машину трясло, и Богдан растерял все ориентиры – и временные, и пространственные.

Когда фургон остановился, открылась дверь, и повязку сняли, Богдан увидел себя во дворе двухэтажного особняка. Вокруг простиралась каменистая пустошь, а где-то неподалеку рокотало, как пустой желудок сказочного чудовища, море. Всё те же двое мужчин с преувеличенной бдительностью препроводили его к незнакомому дому. Где в гостиной его ждал знакомый человек.

– Ба! Марик! Как ты изменился! – воскликнул тот, всплеснув руками. – Ты, как я погляжу, теперь Богдан? Выбираешь красивые имена – хочешь очаровать кого-то? Не меня же,

Марик, так ведь? Ой, прости, ведь ты теперь уже не Марик, ты – Марк Николаевич. Николаевич-Нидвораевич. С ума можно сойти. *Et singula praeduntur anni, fugit irrevocabile tempus*⁶.

Перед профессором стоял невысокого роста, но солидного возраста человек и улыбался – от души и до ушей:

– Ты плохо выглядишь. Налоговики, что ли, оставили тебя без штанов, друг мой?

– Человек человеку друг, брат, товарищ и Брут, – криво усмехнулся лже-Богдан. – Ну, здравствуй. А ты у нас теперь, стало быть, зовешься «Гарри»? И я тебе обязан внеочередным визитом ментов из ОБН?

– Отдел по борьбе с наркотиками? О, как ты низко пал! Бог видит, я тут не при чем. Располагайся, Марик, чувствуй себя, как дома, не стесняйся.

– Прежде чем буду говорить с тобой, у меня три условия. Первое: душ. Второе: прикажи своим тупым приспешникам вернуть мне вещи. А то... – он выразительно развел руками: – Я не страдаю эксгибиционизмом, равно как и не наслаждаюсь им. *Flagitii principium est nudare inter cives cogroga*⁷. И последнее: сейчас недалеко от пляжа, где твои холуи меня застали, в море болтается человек. Я хочу, чтобы его немедленно выловили и заперли в какой-нибудь гостинице, ну хотя бы в «Листригоне», с полным содержанием, но без доступа к колюще-режущим предметам, длинным веревкам и...

– Ты издеваешься? – взвизгнул Гарри. – Я тебе что, МЧС?

– Отправь ребят, которые за мной пришли. Я по плечам их вижу, что они – пловцы отменные.

– Здесь не пловцы нужны, а вертолет!

– Тем лучше, раз ты это понимаешь.

Запершись в ванной, профессор, еще недавно называвший себя фальшивым именем, а ныне разоблаченный, в первую очередь проверил содержимое карманов брюк и пиджака: кредитные карточки, часы, зажигалка и другие мелочи на месте. А документов нет, как если бы ему еще не исполнилось четырнадцати. «Что ж, неудивительно, – рассудил он. – Я здесь в гостях и в то же время – под домашним арестом». Потом он наскоро ополоснулся под душем от въедливой морской соли, которой успел пропитаться на пляже, оделся и вернулся в гостиную.

– Выпьешь чего-нибудь? – спросил хозяин. – Кампари? Кальвадос? Коньяк?

– Кофе.

Гарри засеменил на кухню. А его гость-поневоле осмотрелся, обошел комнату: окна забраны ставнями снаружи, двери заперты. Гостеприимство хозяина было сродни тюремному.

– А я, представь себе, – крикнул Гарри из кухни, – прилетел только сегодня ночью. Завтракаю тут в одиночестве, скучаю, и вдруг ребята говорят: видели Марка Боднара на побережье. Дай, думаю, приглашу в гости старого друга. И сразу выслал за тобой гонцов. Поскольку что за радость мне от богом забытого полуострова без тебя, друг мой?

Он вернулся с двумя чашками кофе. Основательно продрогший, молодой профессор, настоящее имя которого оказалось Марк Николаевич Боднар, выпил кофе залпом, и хозяин отдал ему свою чашку.

– Скажи уж лучше: ради того, чтобы заманить меня на побережье, ты пустил ОБН по липовому следу, – предположил Боднар, – а уж они пустили по нему меня – впереди паровоза...

Собеседник его засмеялся:

– Марик, я ведь и сам – что твой паровоз. Еду по рельсам, проложенным не мной. В мою жизнь, как в вагон, входят люди; потом уходят – кто-то раньше, кто-то позже, кому какая оста-

⁶ Годы берут свое, бежит, бежит невозвратное время (*лат.*).

⁷ Обнажать тело на виду у граждан есть начало развращения (*лат.*).

новка – но уходят непременно. Некоторые оставляют в вагоне мусор. Вот только поезд не выбирает, кого впускать, а кого – нет. Он безразличен и холоден. Гремит железными костями.

– Да неужели? – поднял брови Марк. – Вот оно как? Я тоже еду в твоём поезде? Интересно, сойти мне самому удастся или меня вынесут вперед ногами? Как думаешь, бывают поезда с остановкой по требованию?

– Полноте, Марик, не смейся! Кстати, как тебе нравится дом? Я его прикупил недавно. И специально для тебя. Ковры персидские, мебель итальянская.

– Для каземата он весьма недешево обставлен, что не меняет сути.

– Какой такой каземат?

– Окна зарешечены, двери заперты. Не хватает только автоматчиков по периметру и наручников на мне.

Гарри отмахнулся:

– Да брось! – Но тут же и посерьезнел: – Ты, Марик, думаю, догадываешься, что не одной только приятной дружеской беседы ради я пригласил тебя к себе? Да будет тебе известно, что я не сидел, сложа руки: не только дом купил, но и клинику основал. И с удовольствием бы показал ее тебе, похвастался бы, да только ехать далеко. Поэтому, если позволишь, я продемонстрирую тебе небольшой видеоматериал о моем возлюбленном детище. А заодно изложу свою просьбу.

Хозяин включил плазменную панель, и на экране начался рекламный фильм о частном загородном реабилитационном центре. Мелькали доброжелательные сотрудники и сверкающие новизной интерьеры клиники. Разве что чересчур авангардный монтаж ролика вызывал недоумение.

По ходу фильма похититель все говорил и говорил без умолку. А Марк, не отрывавший взгляда от экрана, как замороженный, слушал его с ужасом и не мог понять, почему горы еще не содрогнулись и не рухнули, отчего небо не пало на голову говорившего.

– Марик, ты же знаешь, как я высоко ценю тебя, – вздохнул хозяин пятизвездочного каземата, когда видеоролик подошел к концу. Развел руками с покаянным видом: – Я был откровенен с тобой, как ни с кем, излагая суть моей просьбы. И жду взаимности.

– А если я откажусь?

– Если откажешься, работать все равно придется – только из-под палки. Уж не обессудь.

– И что, большая палка?

– Не то слово. Не палка – палица! Ведь ты меня хорошо знаешь. И полагаю, за те годы, что мы не встречались, ты узнал меня еще лучше. Ну, не хмурься так – останутся морщины, – погрозил ему пальцем радушный тюремщик. – Времени даю тебе на размышления море, – подытожил он. – Целых десять дней. Но либо шестнадцатого числа утром я встречу тебя в моем санатории, либо пеняй на себя. Да-да, ты не ослышался, друг мой, это именно угроза.

Обратно Боднара опять везли вслепую и в объезд, однако на сей раз пленник ориентировался без труда. «Боже, как глупо, – думал он. – Какой пошлый прием!» И его лицо под повязкой горело от нелепости положения.

Горы сдавливали извилистую трассу, как тяжелый доспех тело. Узкую и опасную, эту дорогу проложили на месте древнеримского военного тракта, когда люди и помыслить не могли о скоростной прибрежной магистрали Джалита – Ахтиар. И Боднара мутило на нескончаемых поворотах.

Приспешники Гарри, не церемонясь, высадили его на склоне горы Таврос, неподалеку от старой, времен еще Турецкой войны, английской железной дороги.

Прощаясь Гарри возвратил ему документы и даже обаялся не следить за Марком взамен на его обещание не покидать пределы побережья. Сказал внушительно: «Ловлю тебя на слове»,

ибо знал, что слово Марка – слово чести. Так что теперь на целом полуострове для Боднара осталось лишь одно место, где бы он мог укрыться от бесчестия.

В лице Гарри, своего давнего приятеля и нынешнего противника, Марк столкнулся с промыслом куда более страшным, чем наркоторговля, которую подозревали за ним люди из ОБН. И Боднар понимал: одно из двух он вскоре должен будет предпочесть – старую дружбу или новую вражду. И выбор предстоял нелегкий.

«Лови, лови, – бормотал Марк себе под нос, обращаясь к оппоненту, что уже не мог его услышать. – Ищи теперь меня, как ветра в поле».

Он хорошо знал здешние места. До города было примерно полчаса ходьбы. Марк срезал путь, спустившись напрямик по пологому склону, заросшему колючим кустарником, и от известковой пыли сделался белым, как привидение. Хотя в действительности призраком являлся город, куда он вошел, – миражом, видением из его, Марка Боднара, прошлого.

Пешком добравшись до центральной площади, Боднар снял деньги в банке, зашел в магазин для туристов, купил альпинистское снаряжение. Однако он не собирался карабкаться ввысь. Марк намеревался отправиться вглубь. Поэтому следующими его приобретениями стали гидрокостюм и акваланг. Затем – блок сигарет, охотничий нож, водонепроницаемый фонарь-прожектор, сухой спирт, спички. Походное имущество он уложил в рюкзак и сделался похожим на туриста дикаря – одного из сотен, наводнявших город. Даже черный костюм его, изрядно запыленный, теперь не бросался в глаза.

Марк Боднар появился на свет в городе, которого официально не существовало. От того, еще будучи мальчишкой, Марк постарался разузнать о своей малой родине все – высмотреть, выведать, выпытать. В 1957 году, незадолго до его рождения, этот населенный пункт стал закрытым административным округом, запретной зоной, в одночасье исчез со всех карт Союза и просуществовал фантомно вплоть до окончания холодной войны. Но и после того как запрет на въезд сняли, для Боднара город остался заповедным, зачарованным местом. И вот теперь благодаря прихоти человека по прозвищу Гарри Марк не только перешел границу зачумленной территории, но оказался в самом сердце ее.

Дед Марка был адмиралом. Отец – моряком-подводником. Капитаны вечно плавания, они, каждый в свой черед, вышли в отставку и перебрались к праотцам. Марк пренебрег семейной традицией, выбирая поприще, но способность преодолевать тяжелые условия, выдержка и железные нервы передались ему с кровью, соленой от морской воды, и теперь должны были пригодиться как никогда.

Боднар спустился к городской бухте и, обойдя ее по кругу, миновав стада белоснежных яхт и огары побитых жизнью рыбацких катеров, оказался на задворках городка. Здесь человеческие ручейки сначала редели, а потом иссякали вовсе, и одинокий пешеход мог не опасаться случайных встреч. Марк шел и шел, не оборачиваясь, не глядя по сторонам, покуда город не исчез, скрытый изгибом набережной. Остались видны лишь полуразрушенные виллы девятнадцатого века и хребет горы Кастрон – сторожевого дракона, охранявшего вход в бухту. Боднар торопился, наступал на пятки своей длинной тени. Когда набережная резко свернула вправо, тень сжалась над ним, пошла рядом, не забегая вперед.

Вскоре он оказался перед входом в исполинский док – канал, прорубленный в толще горы, и встал лицом к его черному зеву. Перед Марком открывались ворота в противоатомное убежище для подводных лодок, рассчитанное выдерживать прямое попадание атомной бомбы и некогда способное укрыть весь командный состав ахтиарского флота с обслуживающим персоналом.

Много воды утекло с тех пор, когда Боднар впервые осмелился проникнуть внутрь. Теперь здесь не осталось ни колючей проволоки, ни маскировочной сетки, ни постов с автоматчиками. Арка тоннеля, в прежние времена тщательно скрываемая от чужих глаз, ныне выстав-

лялась на всеобщее обозрение, словно пустая глазница в черепе горы. И Марку в ее наготу виделось что-то неприличное, постыдное.

– *Abominatio desolationis, vacuum horrendum*⁸, – бормотал он, проклиная время, что не пощадило даже камни.

Солнце опять подкралось со спины. Теперь длинная тень его фигуры стлалась по бетонному кожуху – мосту над тоннелем. Там, где мост обрывался, тень падала в воду и качалась на волнах, но вскоре таяла во мраке. Туда уже не проникал закатный свет. И именно туда предстояло спуститься Боднару. Железная лестница, что много лет назад вела отсюда вниз, внутрь дока, истлела от ржавчины. Черная глубина, где когда-то ходили подводные лодки, начиненные атомными торпедами, в которую, сколько бы ни силился, Боднар не мог проникнуть взглядом, кишела опасностями, словно и не вода вовсе, а сжиженный страх. Но даже если этот шаг мог привести Марка на тот свет, он оставался единственным выходом.

Набережная пустовала. Боднар спешно переоделся в водолазный костюм, свою одежду и вещи уложил в герметичный мешок и привязал его на поясе – послужит утяжелителем. Надел акваланг, ласты, маску. Как из распахнутой двери летящего самолета, но без парашюта, прыгнул вниз, врезался в воду. И погрузился камнем – до самого дна.

Вода оказалась ледяной – аномально холодное и ветреное лето не позволяло ей прогреться. Если бы не гидрокостюм, Боднар не продержался бы в ней и получаса. Тело вспомнило навыки подводного плавания, и не теряя ни секунды, Марк поплыл в глубь канала, освещая себе путь прожектором. Луч высвечивал погруженные в воду останки металлических мостов, пересекавших канал, и лестниц. Скоро Боднар обнаружил искомую затопленную вентиляционную шахту – трубу около метра в диаметре – и углубился внутрь нее. Миновав узкий проход, выплыл в затопленный почти до потолка коридор, идущий под наклоном вверх. Двигаясь по нему, вскоре достиг того места, куда вода добраться не могла и отступала. Снял маску, отдышался. Здесь царил абсолютный мрак, луч фонаря метался по стенам, как загнанный лазутчик в тылу врага. Здесь властвовала *aeterna nox* – вечная ночь, безлунная и беззвездная. Сильно пахло сыростью, ржавчиной и машинным маслом.

Вскоре дыхание Марка сделалось беззвучным, и Боднар слышал только плеск – далекие отголоски морских волн, доходящие сюда с большим опозданием, как свет от звезд. Акваланг он оставил в нише одного из боковых коридоров, пакет с вещами взял с собой, пошел пешком по беспросветному тоннелю. Под ногами у него скрипел песок. Сквозняк стирал камни в пыль, беспрепятственно гуляя по галереям с того дня, когда мародеры срезали последние кингстоны и двери. Ветер выл в потернах и шахтах, словно сонмы призраков, и воевал с голыми стенами, что одни пережили нашествие грабителей.

Практически сразу Боднар обнаружил следы человеческого присутствия – окурки и пустые бутылки. Мародеры до сих пор сюда захаживали, хотя уже давно выкорчевали и вывезли все, хоть сколько-нибудь ценное. Возможность встречи с ними не волновала Марка: те далеко не заходили, он же рассчитывал добраться до самого сердца лабиринта, где у него имелся надежный схрон с провизией и питьевой водой, и переждать там тщетные попытки Гарри отыскать его. Бесчисленные коридоры – от огромных, высотой в несколько этажей, до тех, где двигаться удавалось лишь ползком, ветвились вглубь горы Таврос на многие километры. Если бы Гарри высадил в лабиринте и целую роту своих приспешников, они рассеялись бы, растворились в изгибах подземелья, как армия Наполеона на бескрайних просторах России.

Это нечеловеческое сооружение до конца не исследовали даже музейщики, облюбовавшие район сухого дока по другую сторону канала. Все равно, что, стоя в дверях Лувра, не удосужиться заглянуть внутрь – про себя усмехался Боднар. Самому Марку подлинное великоле-

⁸ Мерзость запустения, пустота, наводящая ужас (*лат.*).

пие противоатомного объекта открылось в девяностых, после того как рухнули Советы, после демилитаризации региона, когда спала броня секретности. Однако в самый первый раз он проник сюда еще в юности, когда подземное техночудовище жило, всеильное, изрыгало дым и пожирало людей...

После того как противоатомный комплекс оказался сначала заброшен, а потом и разорен, Боднар часто бывал здесь и даже составил карту всех помещений, куда сумел войти или заплыть с аквалангом. И до сих пор отчетливо, как если бы он эту карту и сейчас держал перед глазами, Марк сохранял в памяти план сооружения, не опасаясь заблудиться.

Как Мидас, царь фригийский, обращал в золото все, до чего дотрагивался, так Боднар все запоминал, чего единожды касался его взгляд. Это была гипермнезия – абсолютная память. И к своим годам Марк Боднар уже слишком хорошо узнал, чего стоит подобный дар природы.

Освещая себе путь фонарем, он шел все дальше, сворачивая то вправо, то влево на бесчисленных развилках. И наконец, дойдя до тупика, открыл тяжелую крышку люка в стене, через который проник в скрытое смежное помещение – исполинскую, высотой с многоэтажный дом, канистру. Некогда через люк, ставший дверью для Боднара, из нее откачивали топливо на подводные лодки. Теперь же бочка пустовала. Вторая, сестра-близнец ее, была вмурована в скальную породу по другую сторону от коридора – у той на дне еще оставался слой смоляной резко пахнущей жижи.

Фонарь исправно светил, высвечивая красные от ржавчины листы железа, что покрывали нутро бочки, вырубленной в средостении горы. До верха бочки свет не доставал. Марк выключил фонарь и замер.

Казалось, он летел в темноте. Ощущал невесомость свободного падения во мраке. Перестал чувствовать свое тело, растворился. И чем дальше стоял так, тем сильнее погружался в прошлое...

Но не одни только воспоминания теперь тревожили его.

В воздухе уже давно стал ощутим знакомый сладковатый запах. Боднар не верил обонянию: на складе, вблизи которого он находился, коробок с индивидуальными противохимическими пакетами, содержащими дихлорэтан, хранилось столько, что не под силу оказалось вынести даже всеядным мародерам. Особой ценности пакеты не представляли, и целостности упаковок до сих пор никто не нарушал. Однако не прошло и пяти минут, как загазованность стала невыносимой. Боднар уже почти не мог дышать. Не оставалось времени ломать голову над загадкой запаха – голова и так уже раскалывалась от вони, следовало вернуться за аквалангом, чтобы, возможно, вновь прийти сюда уже со своим воздухом и разузнать, в чем дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.